

**ГЛЯДЯ
ИЗ
ИЕРУСАЛИМА**



М. ХЕИФЕЦ

Михаил Хейфец

ГЛЯДЯ
ИЗ
ИЕРУСАЛИМА

Издательство "Кахоль-Лаван"

Иерусалим ♦ 1989

Copyright © Mikhail Heifetz

ГОРОД, ГДЕ Я ЖИЛ

Несколько лет я жил в городе Ришон-ле-Сион, история которого даже в самом Израиле известна немногим. Это не "Золотой Иерусалим", не "первый город, где живут одни евреи", — Тель-Авив, не знаменитый порт Хайфа, не "столица пустыни" Беэр-Шева. Обычный город, каких много в Израиле.

И все-таки в Ришон-ле-Сионе можно было уловить главное — тенденции общественной, политической, хозяйственной жизни страны Израиля, как случается часто, когда смотришь на объект из "глубинки", оттуда, где тенденции еще только вызревают.

Но почему у этого города такое длинное и малоудобное название?

Ришон — на иврите означает "первый"; *ле* — это "в"; *Сион* переводить на русский вроде бы не нужно, это — Сион. "Первый в Сионе". После выселения евреев Иудеи легионерами Адриана во втором веке нашей эры наш город оказался одним из первых в истории *новым* еврейским поселением на земле Израиля.

В 1982 году эта "мати городов еврейских", этакий Киев государства Израиль, отметил с невероятной для него пышностью и блеском национальный юбилей — 100 (прописью — сто!) лет со дня своего основания.

...Вот так начинаешь чувствовать то, что названо "израильским чудом". Всего сто лет назад в этой сегодня насквозь еврейской стране практически не было евреев! (В точных



Герб Ришон-ле-Циона

науках позволяется пренебрегать малыми величинами, не влияющими на итог расчетов. Так и я пренебрег здесь малыми группами религиозных евреев, с древних времен живших в Палестине на пожертвования зарубежных единоверцев и молившихся за них и за весь Израиль у Стены Плача, у могил праотцев в Хевроне, у могил великих мудрецов и каббалистов в галилейском Цфате и бывшей императорской Твери.)

Связь отдаленных исторических сюжетов выглядит иногда фантастической. Так, например, Ришон-ле-Цион был основан потому, что... в 1881 году в далеком Санкт-Петербурге, на Екатерининском канале, народовольцы убили императора Александра Второго.

Спросите: какая связь? Ответу советской шуткой: такая же, как между погодой в Антарктиде и уровнем рождаемости во Владивостоке. Помните? Флотилия "Слава", добывающая китов у берегов Антарктиды, базируется на Дальнем Востоке... Так и тут. После убийства царя, погибшего от бомбы поляка Гриневитцкого, члена группы террористов, возглавляемых украинцем Желябовым и потомственной дворянкой Перовской, "народно-монархическое сознание" все-таки доискалось до корней злодеяния. В цареубийстве оказались виноваты... кто? Конечно, евреи. Прокатились первые в 19-м веке погромы на Украине.

Отвлеку на один абзац ваше внимание от Ришон-ле-Циона: однажды довелось мне читать воспоминания генерала, командовавшего воинскими частями, подавлявшими погромщиков в те годы. Он добросовестно выполнил возложенную на него боевую задачу, но при этом всецело сочувствовал погромщикам. Более того, генерал возмущался, что солдаты-евреи, которые служили в его частях и которых он привык считать трусами и никудышными вояками, увидев перед собой погромщиков, вдруг вырвались из рядов и, к возмущению командира, стали орудовать штыками и прикладами даже активнее, чем требовал приказ... Казалось бы, тут генералу и задуматься о подлинных свойствах народа, который

через тридцать восемь лет дал его "классовым врагам" Троцкого и Склянского, Сокольников и Розенгольца, Якира и Шмидта! Ведь Российская империя насчитывала немногим меньше шести миллионов евреев, четыре процента населения страны, полмиллиона возможных солдат и офицеров! И эта статистика, разумеется, сказала на количестве российских евреев, очертя голову устремившихся в революцию, а возможно, и на ее исходе.

А теперь вернемся к Ришон-ле-Циону. Сразу после прогрома 1881 года еврейские юноши и девушки, потрясенные невиданным до той поры действием, решили, что если уж страдать, то лучше на родной земле и — зная, что за родину. Возникла организация Билу (аббревиатура слов из Библии: "Дом Яакова, иди, и мы пойдем!") — вы, конечно, догадываетесь, что сегодня в Ришон-ле-Ционе есть улица Билу? — и в 1882 году юноши и девушки с Украины и Белоруссии двинулись в Палестину. Первый десяток добравшихся до нее основал в ноябре того же года новое еврейское поселение, первое после почти двухтысячелетнего перерыва, — Ришон-ле-Цион. Почему именно на этом месте? На гербе города ликующая надпись: "*Мацану маим!*", что в переводе значит: "Мы нашли воду!"

Не буду продолжать их историю дальше, так как я, собственно, не об истории хотел рассказывать, а об удивительном ощущении жизни в государстве, наполненном евреями, которые здесь выросли и вообще не представляют, что можно жить по-другому, в какой-то стране, где кругом не одни евреи. И с того момента, когда все это возникло, прошло лишь сто лет! Ничтожный срок — даже по темпам нашего века.

Впрочем, первые семьдесят лет Ришон-ле-Цион (в жизни его так длинно не зовут, называют коротенько: Ришон) был деревней. Это тоже поражает, когда читаешь воспоминания шестидесятилетнего полковника израильской армии: "Я вырос в деревне Ришон-ле-Цион..." То есть, этот город еще оставался деревней на памяти моего, кажется, не такого уж старого поколения. Сейчас нас окружают повсюду 5—8-этаж-

ные дома, каждая квартира в которых стоит от 40 до 90 тысяч долларов (цены на квартиры в Израиле общепринято установлены в долларах, а платят только шекелями), и по данным последней переписи в Ришоне живет свыше 100 тысяч жителей. Вас, конечно, таким числом не поразит, но ведь это — почти три с половиной процента еврейского населения страны, то есть, по советским масштабам, — город вроде Свердловска или Новосибирска.

Темпы строительства в Израиле вообще и здесь, в Ришоне, в частности, потрясают даже бывшего ленинградца — согласитесь, это не так легко сделать. Кажется, нет в городе улицы, чтобы на ней не воздвигалось сразу три-четыре многоэтажных дома. Разумеется, кроме района вилл: там строятся коттеджи причудливой архитектуры, вроде тех, какие мы привыкли видеть в правительственных поселках под Москвой.

Любопытно, что грязь и дикость встречаются исключительно в центре города, который осматривают туристы и вообще гости. Во-первых, там заповедное место — домики переселенцев. Естественно, это одноэтажные или в крайнем случае двухэтажные домики с прогнившими и подломленными деревянными террасами — точь-в-точь такие, как те, что оставались в родном Кременчуге (отцы-основатели Ришона были родом из Николаева, Орши и Кременчуга). Бережно сохраняется старинная синагога — "Бейт кнессет а-гадоль" ("Большая синагога") — на холме, что считается красивым на "родной Украине". Господи, видели бы вы эту двухэтажную халупу! Но ришонцы привыкли, что десятилетиями их синагога была архитектурной жемчужиной всея Палестины...

Впрочем, в центре города и помимо "заповедных мест" есть масса старых зданий и просто старых пустырей, тогда как окраины застроены великолепными современными домами. Старожилы объясняют, что в этой стране, которую основали и почти три десятилетия управляли которой социалисты, существует потрясающее уважение к частной собственности. При турках землю тут покупали за гроши (она счита-

лась бросовой). Опять же по словам старожил, за один фунт стерлингов продавали участок "до того места, куда камень покупатель забросит". Поскольку земля стоила безумно дешево, собственности не придавали большого значения, да и покупали-то нередко не для хозяйствования, а из патристически-идейных соображений: чтоб "выкупить у арабов землю". А потом, не выдержав тяжелых условий здешней "целины", уезжали за море и бросали участки. Поэтому, уверяли меня местные жители, и остались в центре города пустыри, которые неизвестно кому принадлежат, а отобрать их в пользу города нельзя — известно ведь, кому принадлежат...

Что еще поражает человека, приехавшего из Союза: самое запущенное и неказистое помещение в любом городе Израиля — это районный комитет какой-нибудь партии. Зато самый престижный, бросающийся в глаза в любом израильском поселении центр — банк. Самый же известный и пока что самый прибыльный из них — банк "Апоалим", что в буквальном переводе значит "Банк рабочих", или "Банк пролетариев", как ехидно прозвал его один из наших русскоязычных писателей.

Впрочем, каждый кулик свое болото хвалит, а мое болото — Ришон-ле-Цион. Поэтому, чтоб не навлекать на себя читательских упреков в "местном патриотизме", отвлекусь сейчас на Тель-Авив. Он почти на тридцать лет моложе Ришона — хотя по здешним меркам это город-старец, ему уже скоро восемьдесят лет! Однажды по "Голосу Израиля" передавали интервью с сыном одного из основателей города, Давидом Акоэном. Его отец некогда был председателем торгово-промышленной палаты, "и не в каком-нибудь городишке, а в самом Гомеле"! Ого! Приехали они в начале века в Палестину и...

— Помню, как плакала мама, — рассказывал Акоэн по-русски, но с тем местечковым акцентом, который мы знаем только по анекдотам. — Дети, дети, что с нами будет?! Ваш папа снюхался с Меиром Дизенгофом, и они строят на песках еврейский город. Мы разоримся, и что мы будем есть!

Их было двадцать пять, основателей Тель-Авива, которые вышли на пустырь чуть севернее древнего Яффо, помнившего Александра Македонского и Наполеона, с лопатами — начинать строительство первого города для евреев со времен второго падения Иерусалима (напоминаю, что Ришон-ле-Цион сорок лет спустя после закладки Тель-Авива оставался деревней), и Давид Акоэн с гордостью объяснил: "Мой отец был самым богатым евреем во всей Палестине, у него был единственный во всей округе двухэтажный дом".

Одна из двадцати пяти первых, женщина, сказала столпившимся зевакам: "Погодите, мы еще доживем до того времени, когда в городе будут жить двадцать пять тысяч человек".

Но, конечно, и она сама понимала, что это — сказка, в которую нужно поверить.

Прошло меньше 80 лет. В Большом Тель-Авиве — Тель-Авиве с городами-спутниками (реально от него неотделимыми) — живет больше миллиона человек.

О БЛАГОДЕТЕЛЯХ И БЛАГОДЕТЕЛЬСТВУЕМЫХ

Ришон-ле-Цион разросся вокруг трех улиц-лучей: Герцля, Жаботинского и Ротшильда. Причем главная улица города носит имя Ротшильда.

За что же такая честь барону Ротшильду? Почему он котируется в Израиле наряду с основоположниками современного сионизма?

Если вы заглянете в Еврейскую энциклопедию, вышедшую в России в начале нашего века, то найдете там несколько страниц убогистого текста, посвященных жизнеописанию представителей семейства Ротшильдов. Солидная статья об основателе рода, о пяти его сыновьях, основателях парижской, лондонской, венской, германской и неаполитанской ветвей семьи; о строительстве железных дорог и ртутных руд-

ников, о займах королям, о покупке Суэцкого канала английским правительством на деньги Ротшильда, о золотой бирже в Лондоне, и прочее, и прочее...

Самая малая по объему статья — о том Ротшильде, именем которого буквально наполнен Израиль. Есть город имени его отца (Зихрон-Яков, что значит "Памяти Якова"), есть, разумеется, городок, названный в честь самого благодетеля — Биньямина (это во Франции знали блистательного барона Эдмона, а в Палестине был известен Биньямин, что означает "сын моей правой руки", то есть самый любимый); есть городок имени его матери (Пардес-Хана, то есть "Фруктовый сад Ханы"); есть поселок имени его жены — Гиват-Ада; есть мавзолей супругов Ротшильдов — да-да, натуральный мавзолей, не менее шикарный, чем тот, на Красной площади; есть монументы и памятники, есть посаженные им деревья с памятными досками и дома-музеи, где он жил, бесчисленные бульвары и улицы Ротшильда в любом городе Израиля, а несколько лет назад появилась и денежная купюра с его изображением.

Собственно, весь этот рассказ о человеке, чьим именем названа главная улица Ришона, я затеял потому, что меня поразило следующее обстоятельство. Уже в десятые годы нашего века, когда практическая деятельность Ротшильда в тогдашней Палестине была почти завершена (думаю, процентов на девяносто, а то и больше), в Еврейской энциклопедии, то есть издании, посвященном еврейскому народу, эта деятельность нашла ничтожное отражение. При жизни он казался составителям энциклопедии — крупнейшим историкам и общественным деятелям еврейства своего времени — едва ли не самым незначительным среди всего семейства. Подумаешь, увлекся Палестиной и разводил там виноградники!.. Разве можно сравнивать масштабы?! Кто-то из Ротшильдов выстроил крупнейшую сеть железных дорог во Франции, великой державе тогдашнего мира; кто-то вкладывал деньги в гигантские алмазные рудники Южно-Африканского Союза; кто-то ссужал российского императора на перевооружение

крупнейшей армии мира, а этот чужак тратил свои доходы на маленькие виноградники и апельсиновые плантации в Богом забытом углу, где и населения-то почти не было, вкладывал их в Палестину, которая даже в отсталой турецкой империи считалась едва ли не самым отсталым *пашалыком* — более дикой казалась тогда разве что будущая Саудовская Аравия с Объединенными Эмиратами... И добро бы еще жители были благодарны Ротшильду! Так вот нет...

Я не хочу рассказывать моему читателю байки о счастье жертвователя на Израиль. Исторические источники, которые мне попадались (возможно, я далеко не все знаю, сразу оговариваюсь), рассказывают о непрерывных ссорах между "любителями Сиона" и "чиновниками барона", которые якобы чуть ли не угнетали и эксплуатировали свободолюбивых *халуцим* — первопоселенцев. "Чиновник барона" — едва ли не главный отрицательный персонаж тогдашней истории Израиля... В конце концов Эдмон-Биньямин Ротшильд устал, кажется, от склок, жалоб и проклятий единоверцев и просто отдал им все купленное на его деньги: земли, заводы, плантации — берите, Бога ради, и делайте, как считаете нужным!

Легко представить, что там происходило на самом деле. Вообразите еврейского юношу или девушку, которые в последней четверти прошлого века бросили семью, родное местечко, еврейскую общину с *мамелашин*, порвали с традиционным образом существования и поехали в Палестину — заниматься сельскохозяйственным трудом. Наверняка это были люди с нелегкими, упорными, угловатыми характерами — романтики, не очень-то умевшие устанавливать отношения с сильными мира сего. И вдобавок, конечно, ничего не понимавшие в сельском хозяйстве, тем более в специфических условиях Палестины, совершенно не похожих на привычную Украину или Белоруссию. А барон, узнав, что они буквально пропадают в Ришон-ле-Ционе и нескольких маленьких поселках, основанных к тому времени (в соседней Нес-Ционе, то есть "Знамени Сиона", она была видна из моего окна на горизонте; в Петах-Тикве — "Пороге надежды", в Рош-Пине

— "Краеугольной" и др.), послал им не только деньги, но главное — специалистов, которые научили их работать, научили вместо привычной пшеницы, которая никак не росла на этой неподатливой земле, разводить традиционный виноград и сравнительно новые, но перспективные апельсины... Специалисты барона наверняка смотрели свысока на "годных необученных", выражаясь языком советской армии, а те, жертвуя семьей и своими перспективами в цивилизованном обществе, чужую долю, не связанную с такой самоотдачей, рассматривали как ничтожную... Подумаешь, барон деньги жертвует, когда я всю жизнь святому делу отдать готов!

Интересно, что и сам барон долго не догадывался, в какое грандиозное предприятие вкладывает капиталы. Ведь это началось задолго до Теодора Герцля, до идеи еврейского государства. Возможно, на такую утопию, как еврейское государство, человек осмотрительный и умный вообще не дал бы ни гроша. Но раввин Могилевер (в Ришоне есть, конечно, улица рава Могилевера) и один из наших первопоселенцев Йосеф Файнберг уговорили барона жертвовать деньги и силы на куда более скромное и реальное начинание. Пусть хоть часть евреев снова станет земледельцами, фермерами! У всех народов есть свои крестьяне, только евреев закон лишает права обрабатывать землю. Поэтому их считают народом уродливым, искривленным! Давайте попробуем посадить евреев на землю. Железнодорожный магнат барон Гирш (улица Гирша в городе тоже есть) создавал для своих единоверцев сельскохозяйственные поселения в Аргентине, а Ротшильда уговорили делать то же в Эрец-Исраэль. Ни о чем большем поначалу и мысли не было...

Насмешлива еврейская судьба. Вот прошло сто лет — ничтожный срок в масштабах истории. Не осталось и памяти о неаполитанских Ротшильдах, сметенных Гарибальди. Гитлер истребил, стер до основания ротшильдовские предприятия в Германии и Австрии, а не так давно социалистическое правительство Франции ликвидировало владения французской ветви Ротшильдов. Только в консервативной Англии еще защи-

щают они последние семейные бастионы. И лишь в Израиле посмертная слава Эдмона-Биньямина Ротшильда и его семьи растет и растет. Кому бы из банкирского клана пришла в голову такая странная мысль сто лет назад, когда вся семья, можно сказать, посмеивалась над чудачеством одного из отпрысков!

И здесь я открою читателю, почему, собственно, я занял его внимание этим рассказом о давно умершем бароне. Не барон меня волнует, а некоторые черты характера моего народа, которые я пытаюсь угадать в сегодняшнем дне страны.

Да, соплеменники неблагодарны. Да, распахивавшись, под горячую руку, могут укусить протянутую ладонь дающего. Всплыв, могут наделать глупостей — иногда непоправимо вредящих тем, кому столь многим обязаны и кому еще вчера поклонялись. Все это я знаю.

Но при всем при том, в массе своей, люди не лишены чувства справедливости. И когда проходит горячка жизненных невзгод и подводится итог, *хешбон нефеш* ("счет души"), как выражаются в Израиле, они неожиданно становятся честными перед собой. И тогда и народ в целом, и люди, каждый в отдельности, начинают ценить того, кто помог, поддержал в самую невыносимую минуту.

Я не о Ротшильде думал на самом-то деле. Просто как историку мне нужен исторический прецедент, историческая точка опоры. А думаю я, когда пишу все это, о Менахеме Бегине.

Боже мой, сколько проклятий сыпалось на его голову всего лишь несколько лет назад!

Есть у меня друзья, кибуцники, а кибуцники, как правило, принадлежат к левому сектору в израильском спектре. Мой друг — типичный кибуцник: окончил Софийский университет (поэтому свободно переводит с русского — он изучал его как иностранный язык; помимо этого, владеет французским, испанским; об иврите и болгарском нечего говорить: это два родных языка) и, оставив родителей, приехал в Палестину лет пятьдесят назад. Пошел на "землю",

первые шесть лет проработал пекарем в кибуце — специально изучал это ремесло. Потом был директором кибуцной школы, советником в посольствах, сейчас работает рабочим в тарном цеху кибуцной фабрики — типичные перипетии жизни в израильской коммуне... Так вот, он и его жена слышать спокойно имя Бегина не могли, аж пеной брызгали, когда я в беседе осмеливался находить в его политике не то чтобы справедливость, а хоть какие-то основания. Но вот Бегин ушел на покой, и я написал статью, где пробовал объяснить таинственный ход следствия по делу советского политзэка Бегина в НКВД 1940 года. Признаюсь честно, не без трепета сообщил об этой статье своим кибуцным друзьям — люди они удивительно славные, но в политике бешеные, как и положено здешним евреям (может быть, не только здешним?). Не хотелось их терять, но промолчать, не отдать должное человеку, который для меня, для всех нас полвека жертвовал собой, я тоже не мог (а ведь и я принадлежал тогда к оппозиции!). И что же? Получаю от них открытку: "Вы поступили правильно, мы согласны с вами..."

После погрома в лагерях палестинцев Сабра и Шатила прошли по городам Израиля грандиозные митинги — "анти-бегиновские", и в центре их стоял самый острый, пожалуй, самый ехидный и разящий из депутатов оппозиции, молодой "левак" Йоси Сарид.

Я помню лавины шестивий вокруг Сариды с лозунгами, на которых повторялось: "Бегин — убийца!"

Но вот Бегин ушел на покой, и вскоре я прочел новую статью Сариды о Бегине — а ведь не было у Сариды в парламенте более меткого и острого личного противника — помню, как беспощадно Бегин его высмеивал! О чем же писал Сарид после ухода "старика"? "Я думаю о вас, господин Бегин..." Он сочувствовал старому борцу, он пытался вслушаться в ход его мыслей, ощущал себя близким ему человеком. Не политически, конечно, но лично. И это глубокое уважение к тому, кто совсем недавно вызывал жестокую неприязнь, а сейчас окружен почти всеобщим преклонением (за исключе-

нием краев, но эти-то, как всегда, истины не ищут, а любят себя), — оно тоже характерно для психологии здешнего — а теперь и моего — народа. Свойственно ли оно вообще цивилизованному складу мышления и лишь было выбито из нас тем идеологическим воспитанием, где неблагодарность к ушедшему (а тем более — к потерпевшему поражение) стала нормой, или же это уважение присуще именно здешнему обществу, — я просто не знаю.

Вот почему, когда я вижу повсюду в Израиле имя барона Эдмона-Биньямина Ротшильда, я радуюсь не за Ротшильдов. Я радуюсь за этот народ.

ЯЗЫК, НА КОТОРОМ МЫ ГОВОРИМ

Помнится, в 1972 году журналу Академии Наук СССР "Вопросы истории" сделали начальственное внушение за то, что редакция не борется с сионизмом. Но, видимо, не нашлось среди ученых-историков специалистов по этой самой борьбе, и тогда редакция предоставила страницы журнала "пришельцам". Признаться, я тогда похрюкивал от умиления, читая их опусы. Ну, во-первых, евреи, конечно, не нация — ведь это некогда так гениально было доказано. Но зато израильтяне — это нация, поскольку они подходят под все четыре общеизвестных признака: у них налицо единство языка, территории, экономики и культуры. Как бы получалось, что нации создаются административным путем: проголосовали в ООН за нацию — есть нация, а не проголосовали — ее, вроде бы, и быть не должно. Кроме того, евреи не только не нация, но и не национальность, ведь об этом тоже убедительно писали классики в 1912 году. Предусмотрительно оговорено: всюду они не национальность, а в Советском Союзе — национальность (иначе как писать слово "еврей" в знаменитой пятой графе?!). Но кто же евреи, если не нация и не на-

циональность? Разумеется, и не религиозная община, так как религия бывает или всемирной (но в перечень всемирных религий ее не включил Ф.Энгельс), или же национальной, — а национальной она тоже быть не может, потому как евреи не нация и не национальность. Один из журналистов оказался мудр, как ЦК: он предложил определять "просто евреи". Этаким Александр Македонский с гордиевым узлом!

Я тогда же написал письмо в редакцию "Вопросов истории", предложив зачислить иудаизм в племенной культ, а евреев определить как первобытно-общинную орду. По-моему, ученые в редакции повеселились, но публикации, позорившие научное издание, все-таки прекратились. Журналист обиделся на меня и прислал письмо, где объявил мне, что я — бундовец! Наверное, это было самое изощренное ругательство в его лексиконе. К сожалению, я прочитал его письмо через четыре года после отправки, отсидев в мордовских лагерях, правда, не за "бундизм", а за статью о стихах И. Бродского.

Вспомнил же я эту смешную историю потому, что в ряду других проблем "еврейского гордиева узла" значился у того автора язык, на котором говорят израильтяне. Он упорно называл его древнееврейским — потому что, сами понимаете, если его назвать просто еврейским, значит, у евреев есть язык и появляется один из четырех "признаков", что означало тогда несомненную крамолу... Но забавно звучит: "В Израиле население говорит на древнееврейском языке" — это четыре-то миллиона человек говорят на древнем, умершем, несуществующем языке!..

Многие советские люди искренне убеждены, что в мире действуют, в основном, три главные силы: непобедимый научный коммунизм, коварный мировой империализм и агрессивный израильский сионизм. То есть СССР, США и — Израиль. Что там какая-то Япония, Германия или мелочь вроде Франции рядом с этим мировым очагом, разъедающим путь человечества ко всеобщему счастью! Когда-то я задумался: ну откуда у антисемитских балбесов мистическое убеждение

во всемогуществе мирового еврейства? Ведь во всех остальных вопросах нельзя сказать, чтоб они были так глупы. И тогда посмотрел на израильское чудо *их* глазами! Да ведь на этом крохотном пятачке земной суши, величиной ровно в одну тысячную долю Советского Союза, лишенном полезных ископаемых и, честно говоря, почти что лишенном нормальной почвы (ее здесь пришлось делать!), — на этом пятачке опровергли важнейшие постулаты некоего мировоззрения.

Ведь они говорят правду, когда доказывают, что с точки зрения их учения евреи не народ, не нация! Но если возникли Израиль и израильская нация, а это даже для них непреложный исторический факт, то, значит, с учением-то неладно... Мы эту мелочь даже не замечаем за своими повседневными заботами, но для неких господ существование Израиля — самый факт! — нестерпимый вызов краугольной опоре того, что они строят и защищают.

Мы гордимся нашими кибуцами, нашими коммунами, но только услышав от моего друга-кибуцника фразу: "Теперь вы увидели своими глазами, что Маркс был прав?" — я вдруг понял, какой дерзкий вызов брошен кибуцами принципу диктатуры, принуждения и насилия. Понимаю, что люди, проповедовавшие когда-то насилие как повивальную бабку истории, вовсе этому факту не радовались. Но что им было делать, если так уж устроен этот мерзкий мир — к добру, мол, дорога ведет только через насилие... А в Израиле, оказывается, существует то, что Карл Маркс предлагал в качестве идеала, оно есть *на практике*, это может нравиться или нет, это можно одобрять или осуждать, но здесь без органов насилия достигнут "свободный труд свободно собравшихся людей", над которыми россияне по происхождению подтрунивают почти автоматически, и этот труд дает едва ли не самую высокую в мире производительность труда. Точно по Карлу Марксу! По данным Института кибуцных исследований при Хайфском университете, 2,7 процента населения Израиля, живущие в кибуцах (примерно 115 тысяч человек), произ-

водят 39 процентов всей сельскохозяйственной продукции страны и 10 процентов ее валового национального продукта. "Подобная производительность уникальна не только в условиях Израиля, ей нелегко найти аналогии в самых развитых странах мира", — делают выводы исследователи. Мне кажется, именно удачный итог как национального, так и социального сионистского эксперимента (плюс — и не в последнюю очередь — постоянные военные успехи сокрушительного размаха) сделал нашу страну каким-то красным плащом, каким-то мистическим жупелом, совершенно несоразмерным ни с подлинным значением нашей маленькой страны на карте мира, ни с ее намерениями. Самому Израилю иногда хотелось бы поменьше огней рампы: слава, что скрывать, нам льстит, но ведь и обязывает, а быть примадонной мировой политики почти двадцать лет утомительно и опасно.

Израильский эксперимент доказывает достаточно строго: неверно утверждать, что теория Маркса и Энгельса была ошибочной во всех предпосылках и выводах. В этой крайней позиции она, по всей вероятности, просто не смогла бы сыграть такую важную роль в духовном развитии человечества на протяжении целого столетия. Что-то являлось в ней утопической фантазией (недаром в ряду ее "трех источников" назывался *утопический социализм*), что-то было ограничено уровнем знаний и представлений ее эпохи, как во всякой научной теории, а в чем-то, в каких-то мыслях и идеях теория научного социализма отражала реальные противоречия капиталистического мира и вполне возможные варианты их преодоления. Израильский эксперимент достаточно строго доказал: к провалу вел лишь путь насилия, а не путь коммуны, путь тотального переустройства общества и навязывания единой схемы общественного развития для *всех людей*, независимо от их желаний, их подготовки и просто их внутреннего настроения. Израильские киббуцы свидетельствуют, что действительно существуют в природе человеческие образования, для которых решение общественных проблем в коллективистском духе правильно и осуществимо.

Краткая еврейская энциклопедия, выпускаемая на русском языке Обществом по исследованию еврейских общин, утверждает, что в Эрец-Исраэль говорили на иврите вплоть до падения Второго Храма, то есть до второй половины 1-го века новой эры. Допускаю. Но, например, персонажи "Иудейской войны" Л. Фейхтвангера использовали в повседневной жизни не иврит, а *арамит*, арамейский язык — общепринятое в ту эпоху наречие семитских племен нынешнего ближневосточного региона. Следовательно, автор исторического романа полагал, что уже в 1-м веке н. э. евреи, жившие на территории Иудеи и Галилеи, собственный язык использовали только как средство ритуального общения (подобный процесс произошел в Индии с санскритом, а позже — у латинских племен Европы — с латынью). Как бы там ни было, даже по самым осторожным подсчетам к началу 20-го века на иврите в обыденной жизни никто не говорил примерно тысячу восьмьсот лет! Его-то и называли в мире *древнееврейским*...

Нет, он не умер вовсе. На нем писали стихи, романы и научные трактаты, и ежедневно евреи произносили на всех материках молитвы на иврите. Но насколько он был выключен из сферы повседневной жизни доказывает такой поразительный факт: когда мудрецы Учения составляли комментарии и толкования, вошедшие в Талмуд, они записали их не на иврите. Комментарии и толкования к *живому* религиозному закону надо было зафиксировать на языке, живом для подавляющего большинства тогдашнего еврейства (примерно 2 — 5 вв. н. э.), — и Талмуд, Устное Учение, записали на арамите. Уже талмудистам из Вавилона иврит казался языком ритуальным.

Теодор Герцль был великим мечтателем. Теодор Герцль обратился к еврейским массам с романтическим призывом: "Если вы захотите — это (то есть еврейское государство) не будет сказкой". Но даже блистательному романтику от политики мечта о воскрешении иврита казалась чересчур смелой.

Парадокс усугубляется тем, что возрождение иврита в

качестве живого национального языка современного еврейства задумано было именно в России!

Позвольте в связи с этим маленькое отступление от сюжета.

Историкам русской революции известен один из энергичнейших эсеровских боевиков Петр Рутенберг: именно он был организатором казни священника Георгия Гапона, обвиненного в сотрудничестве с охранным отделением.

В Израиле имя Пинхаса (Петра) Рутенберга известно, наверное, каждому школьнику, только здешние школьники вряд ли догадываются, что до приезда в страну он был революционером-террористом. У нас Рутенберг известен как крупнейший инженер, создатель электростанций, которые несколько десятилетий являлись основой энергетики здешнего региона.

Террорист-убийца Петр Рутенберг стал на Ближнем Востоке знаменитым строителем! Было, видимо, что-то неблагополучное в атмосфере Российской империи, если этого создателя по призванию, строителя-электротехника она толкнула в жуткую, разрушительную фракцию террористов.

Другой пример. Нет человека в Израиле, кто не знал бы имени Меира Дизенгофа: самая знаменитая улица страны названа его именем, самая знаменитая площадь — именем его жены. Не знать у нас "Дизенгоф" — все равно, что в России не знать Невский проспект, а в Штатах — Бродвей. Меир Дизенгоф, первый мэр Тель-Авива, был великим строителем: он был в числе основателей города, он создал здесь первый музей, первую оперу. Из статьи в Краткой еврейской энциклопедии я узнал, что начинал Дизенгоф как... народоволец! Хорошо, что Бог миловал и он покинул ту страну и нашел место своему подлинному призванию. Но — как и в случае с Рутенбергом — было же нечто в атмосфере России, что этого прирожденного созидателя заставляло идти в разрушители государства!

Наконец, третий и последний случай, тот самый, из-за которого я, в сущности, начал эту цепочку эпизодов. Об

Элиэзере Бен-Йегуде поют в Израиле народные песни; его именем названы улицы в Тель-Авиве и Иерусалиме — и в Ришоне, конечно, тоже. Его портрет известен каждому израильянину, как, скажем, портрет Льва Толстого каждому русскому. Элиэзер Бен-Йегуда — человек, воскресивший иврит! Он не только убедил евреев заговорить на "мертвом" языке, но подтянул его до современного уровня, составил, осовременил грамматику и лексику, нашел принципы для научного развития иврита в нашу эпоху. Так вот, великий деятель ивритского языкознания был в России — ну, вы, конечно, уже догадались... народовольцем Елизаром Перельманом.

Елизар Перельман — Элиэзер Бен-Йегуда — был рожден фанатиком. Решив воскресить иврит, он сделал это самым простым, но и самым жестоким способом: стал на нем говорить в семье и на людях. Его понимали окружающие: он говорил на языке молитв, заучиваемых с детства. Но представьте, как ему жилось в первые годы после начала опыта. Его сын оказался первым за почти два тысячелетия ребенком, который знал иврит как родной с детства язык, но ведь он был единственным ребенком в любой компании, который говорил на этом языке!

Приходилось выискивать в старинных книгах корни или определения для "шприца" и "вилки", "фирмы" и "акции", "полковника" и "чемпиона" и, кроме того, придумывать многое самому. По-настоящему я осознал немыслимость подвига Бен-Йегуды, когда прочитал, что в начале 20-го века, лет через двадцать после постановки практического эксперимента по воскрешению иврита, во всей турецкой Палестине говорило на иврите примерно десять семей. Таков был итог, повторяю, двадцати лет работы!

Это было 85 лет назад. Сейчас на иврите говорит около четырех миллионов человек. Как в искусственно посаженных израильских лесах завелись зайцы и змеи, выросли маслята, зачирикали перелетные птицы, которые раньше стороной облетали эту землю, а теперь садятся на ветви и поют-за-

ливаются, отдыхают и вовсе не интересуются, сами ли эти леса выросли или их люди насадили, так и язык зажил своей натуральной и ни от какого Бен-Йегуды уже независимой жизнью. По-моему, язык Бен-Йегуды понимают нынче только специалисты, а народ, как ему от Бога положено, творит язык каждый день, творит жаргоны и диалекты, новые слова, образы, произношение... Но без человека, который решился встать у истока дела, не было бы этого.

И подумать только, что он мог истратить свою жизнь, охотясь за царем или губернатором, убивая и расплачиваясь за убийство другого человека собственной смертью в петле в Шлиссельбургской крепости...

Язык, воскрешенный Бен-Йегудой, труден для изучения. Как во многих древних языках, в ивритской азбуке нет гласных букв. Их не было ни в шумерской, ни в древнеегипетской, ни в вавилонской, ни в персидской письменности. Особые точки, выставляемые над и под согласными буквами и обозначающие в ивритской письменности гласные звуки, были введены очень поздно — едва ли не в начале средних веков. Понятно, как трудно новоприбывшему в Израиль изучать этот язык, если он не может читать на вывесках, в газетах, в титрах некое слово, произношение которого не известно ему заранее — до прочтения. Очень затрудняет изучение иврита и отсутствие в нем заглавных (прописных) букв: попробуйте прочесть хотя бы иностранное имя, любое, если оно не обозначено в качестве имени собственного и лишено гласных!

Теперь, когда я достаточно рассказал вам о трудностях и вы не заподозрите меня в "агитации за иврит", смело поделюсь открытием, к которому многие новоприбывшие из СССР приходят собственным путем: иврит имеет поразительное сходство с русским и украинским языками, особенно с их древними вариантами.

Когда учишь этот язык в классе с новоприбывшими из Аргентины или США, Франции или Австрии, видишь: там,

где однокашники мучительно осваивают новые правила, там "русским" просто — "ведь все, как в русском языке".

Это производит настолько сильное впечатление, что в Израиле даже вышла книжка, в которой доказывается, что сотни, если не тысячи русских слов по корневому звучанию похожи на аналогичные по значению ивритские. Уже появились пародии на это "русское" увлечение находить соответствия в обоих языках, самую остроумную сочинил поэт Борис Камянов. Примерно такую: весь мир говорил на иврите, и это отразилось в его топонимике. Ватикан, несомненно, основали *ватиким* ("старожилы" на иврите), Варшава — просто Беэр-Шева (известный в Израиле город в пустыне Негев, "колодец клятвы", по другой версии — "колодец семерых"), Берлин назван в честь Берла Кацнельсона (известный израильский политический деятель), а Барселона — в честь Бар-Селы ("Сына скалы" — популярная в стране фамилия). Четыре еврея на Арбате (*арба* на иврите — четыре), возле ворот, украшенных символом — *магендавидом* (*семель* на иврите — символ), почему ворота и прозвали Смоленскими, взимали с проезжающих постоянный налог (на иврите — *мас кавуа*), поэтому сам город прозвали Москва, и т. д. и т. п.

Шутки шутками, но они отражают реальное чувство удивления, которое испытывают тут "русские" при первом соприкосновении с ивритом.

Ну, ладно, *га-седер* (порядок) напоминает русское "государь" и "государство", то есть общественный порядок. Ивритское *гар* (гора) поразительно похоже на русское слово того же значения, как и лес — *яар* на иврите, или *решет* — сеть, решето. В конце концов, случайное совпадение фонем всегда возможно. Но мою дочь, например, поразил такой казус: известно, что в русском языке глаголы "находить" и "находиться" имеют сходное звучание, но совершенно разное смысловое значение. Так вот, в иврите эта пара глаголов в точности соответствует русской параллели: *находить* звучит как *лимцо*, а *находиться* — как *леимаце*, при этом

разница в приставке как раз и означает ивритскую возвратную частицу. Как видите, никакого сходства фонем при полном совпадении смысловой и грамматической структуры!

Меня же поразило то, что корень глагола "угадать", "догадаться" — на иврите *ленахеш* — в русском языке "гад", то есть змея, а на иврите корень того же глагола *нахаш*, что переводится как "змея"!

Именно совпадение структуры языка, то есть его основы, при несоответствии фонетической, звуковой стороны, заставляет задуматься над закономерностью, а не случайностью параллели.

Где ее истоки?

Может, от таинственного Хазарского иудаистского каганата, одной из сверхдержав тогдашнего мира (наряду с христианской Византией и мусульманским Арабским халифатом)? Несколько веков хазары были сюзеренами Восточно-Европейской равнины — огромный срок в истории народов этого региона, но славяне в ту, до Кирилла и Мефодия, эпоху были народами бесписьменными, и их история, как и всех бесписьменных народов, осталась незафиксированной, недоступной изучению. Может быть, именно в языке остались следы прайстории славянства?

Необыкновенно интересную гипотезу о возникновении Древней Руси выдвинул знаменитый ученый, руководитель Украинского Центра Гарвардского университета в США (эта кафедра была открыта специально для него) и едва ли не крупнейший в мире знаток алтайской филологии Омелян Прицак (на русском языке его концепция опубликована под названием "Откуда есть пошла русская земля" в журнале "Форум", № 8, ФРГ, 1984 г.). По предположению Прицака, после гибели великого Болгарского царства, уничтоженного византийским императором Василием Вторым Болгаробойцем, правители нового общества, как раз в то время складывавшегося на территории Восточно-Европейской равнины, сознательно унаследовали болгарский религиозный обряд, культуру и язык погибшего Болгарского царства в

качестве собственного литературного языка (примерно так, как ранее в поисках религиозно-культурной особи тюркское племя хазар приняло иудаизм и начало переход к ивritу). Согласно версии проф. Прицака, славянские языки Восточной Европы возникли в какой-то степени как *результат* великой культурно-исторической реформы, как итог взаимовлияния языков, на которых говорили в этом регионе до появления там христианства. А одним из языков, на котором говорили в регионе *до* принятия там христианства, был иврит...

В Каирской генизе (религиозном архивохранилище евреев) уже давно был обнаружен любопытный документ: прошение правителей города Киева, обращенное к хазарскому наместнику. Оно было написано на иврите, причем название "Киев" начертано именно так, как оно пишется до сих пор. Еврейские подписи были прочитаны легко, но для расшифровки некоторых имен привлекли проф. Прицака, который не только установил их тюркско-алтайское, то есть хазарское происхождение, но и прочел закорючки на полях, до того нерасшифрованные. Это оказалась резолюция хазарского "губернатора", начертанная руническими письменами: "Прочитал". Исходя из особенностей текста, Прицак установил примерную дату документа: 930 год н. э. В том году Киев, следовательно, еще управлялся хазаро-еврейскими "старцами градскими". Не позже 948 г. им сумел овладеть варяжский князь с севера Игорь Старый.

Не знаю, конечно, имело ли это место вообще, и если имело, то в какой степени существовало взаимное влияние иврита и славянского языка в те далекие времена. В конце концов, гипотеза О. Прицака навсегда, видимо, останется лишь гипотезой — вряд ли можно ждать открытия новых революционных документов в будущем. А может быть, все происходило наоборот?

Мой друг, математик, услышав эти соображения, фантазировал так: "Миша, но ведь Элизер Бен-Йегуда жил в России. Когда он, возрождая иврит, наталкивался на языковую

проблему, то вольно или невольно обращался к опыту того языка, который был ему близок с детства, — к русскому языку. Может быть, тут вся разгадка?”

Я ничего не утверждаю. Просто здесь скрыта интересная языковая проблема, которая еще ждет исследователей-лингвистов. А поскольку я по образованию филолог, мне невозможно было не рассказать о ней.

НЕ ВЕРЬТЕ ГАЗЕТАМ!

Я понимаю, как этот заголовок смотрится со страницы печатного издания. Тем не менее, пишу совершенно серьезно. Газетное искусство — искусство точно такое же, как всякое другое. А в основе любого искусства (живописи, литературы и т. д.) лежит не отражение действительности, а деформация ее. Однако сила подлинного искусства такова, что люди изначально верят в его абсолютную правдивость. С годами, разумеется, они узнают, что проза и стихи не отражают действительность, а изображают ее, уже преломленную в душе автора в соответствующем ключе, что живописцы не фотографируют кистью пейзажи и портреты, а выражают свое понимание, ощущение объекта изображения и тоже деформируют их по своему замыслу и т. д. И только один вид искусства по-прежнему кажется фиксирующим точную правду быстroteкущей жизни — искусство газетного репортажа.

Многие наши читатели находятся в очень выгодном положении: их так часто снабжали некачественной и просто фальшивой информацией, что они стали догадываться: в газетах не обязательно пишут правду. Им остается сделать следующий шаг и понять: и не могут писать ее. Но сделать этот важный мировоззренческий шаг трудно: кажется, что если правды нет в газете, то нет ее и выше...

Между тем любой редактор газеты и журнала ощущает

каждый номер как произведение искусства, оформленное по своим законам, он знает, что его сотрудники поставляют в редакцию материалы, где жизнь уже "обработана" в нужном, часто заранее запланированном ракурсе, и он выстраивает их в номере (или не допускает в номер), исходя из собственного представления об искусстве прессы.

Повторяю: вас, читателей, не обманывают (во всяком случае, не обязательно). Если вы принимаете роман за очерк из жизни, а картину — за фотографию, виноват не автор, а вы сами. Если вы верите, что газета дает абсолютно точное представление о действительности, виноваты вы сами. У нее такой задачи нет.

Сложность ситуации, однако, в том, что и сами газетчики часто не осознают, что они своеобразные художники, а не фотографы описываемого ими мира.

Заговорил я обо всем этом потому, что в одном американском журнале прочитал статью об экономическом кризисе в Израиле.

Все, что тогда писал автор, израильский журналист, — правда. Инфляция подскочила в том году до 200 процентов. Страна занимала первое место в мире по тяжести налогообложения. Больше миллиона израильтян потеряло до 40 процентов сбережений, вложенных в банковские акции: за две недели уткло в никуда свыше 282 миллиардов шекелей, то есть свыше трех миллиардов долларов. "Публика перенесла удар стойко — самоубийств не было", — иронизировал журналист. Пафос статьи заключался в том, что в Израиле никто не думает об интересах государства: не экономят горючее и электричество, не ездят меньше на автомобилях, даже за границу продолжают выезжать сотнями тысяч...

Прочитал я статью и подумал: именно такой выглядит наша страна в изображении средств массовой информации. Я никого не виню: для данного жанра естественно ловить в жизненном сюжете драматургию, выявлять конфликт и нагнетать трагизм.

И еще подумал: как читают такую информацию в Мо-

скве? Нет, не те простые люди, которые всему верят и только недоумевают, как в этом Израиле еще люди живут, не разбежались все до единого. И не те, которые считают, что все это вранье, в некоем отделе придуманное... Размышлял я именно о тех, кто изучает эту "заграничную" информацию в соответствующих организациях: пишет человек из Израиля, убежденный сионист, знающий журналист, изучивший местные источники информации и вовсе не заинтересованный в искажении истины. В соответствующих "службах" такую статью тоже должны воспринимать как своеобразную "фотографию" израильской жизни и делать соответствующие выводы. Сколько раз они уже с подобными выводами попадали на Ближнем Востоке как кур в ошип!

Точно так же, как этот журналист, пишут о нашей экономике все израильские обозреватели, и простые люди, почтаив газеты, жалуются: как жить дальше? Что с нами будет?

Я обычно отвечаю: выйдите на улицу и посмотрите вокруг себя. Магазины торгуют вовсю, машины загрохотали улицы, повсюду строят новые дома, по тротуарам ходит веселая публика, молодежь болтает о поп-музыке и спорте...

Нелегко, конечно, увязать картину экономической катастрофы, которую обрушивают на нас газеты, радио, телевидение, с тем обычным беспечным "средиземноморским миром", который наблюдаешь своими глазами. Я не претендую на полное понимание того, что происходит с израильской экономикой, хотя свои соображения у меня имеются. Просто приведу некоторые цифры, промелькнувшие в израильской печати, которые мне, во всяком случае, объясняют, почему, как сказано в той статье, "публика перенесла удар стойко — самоубийств не было".

Оказывается, за три предыдущих года средняя стоимость имущества израильской семьи выросла — округленно — с 40 тысяч до 60 тысяч долларов, следовательно, миллион израильских, потерявших на банковских акциях три миллиарда долларов, фактически потеряли лишь 30 процентов того, что

заработали ранее. С какой стати кому-то вести экономную жизнь?

Я представляю, что не только рядовой читатель, но и ответственный работник какого-нибудь зарубежного отдела (министерства или комитета) верит, что в Израиле нарастает классовый (или — на выбор — этнический) взрыв, когда он знакомится, скажем, с отчетом Института национального страхования, в коем отмечено: в Израиле полмиллиона человек находится ниже черты бедности. Не думая отрицать наличие в нашей стране бедных, я хочу вас познакомить с этой посвоему типичной историей, наглядно показывающей, насколько западный метод статистики не совпадает с "незападным", и как эта статистика вводит в заблуждение органы информации, которые в силу своей специфики просто обязаны ее использовать. А вслед за ними вводятся в заблуждение политические деятели — не только Востока, но и Запада.

Когда были опубликованы последние данные о количестве бедняков в Израиле, редактор "Маарива" обратил внимание, что данные относятся к 1982 году, то есть ко времени наивысшего экономического процветания в стране. Как такое могло быть? Он обратился в Институт национального страхования (Битуах-Леуми) с запросом, каковы критерии для определения "черты бедности", и выяснил следующее.

Нормальный человек, как мы с вами, считает бедным того, кто не имеет средств для жизненно необходимых расходов: он не может оплатить необходимую пищу, одежду, жилье, образование и воспитание детей, минимальные культурные потребности. Но такой здравомыслящий подход считается ненаучным. По американскому примеру израильские статистики избрали границей бедности определенный уровень дохода: он составляет 40 процентов от среднего дохода в стране.

Что же получается на практике?

Представьте некую страну-модель, где живет миллион рабочих, зарабатывающих по сто долларов в месяц, и сто эксплуататоров с доходом по миллиону в месяц. По критериям

израильских статистиков, в ней нет ни одного бедняка, поскольку средний доход в стране — двести долларов, и каждый рабочий зарабатывает уже не 40 процентов от этого уровня, а около 50. И наоборот, чем богаче воображаемая странамодель, тем больше в ней будет бедняков, зарабатывающих те же самые сто долларов при тех же ценах — или даже еще больше. Парадокс статистики заключается в том, что, чем больше граждан живет зажиточно, чем выше уровень жизни основной массы населения, тем больше насчитывают в этом обществе статистических бедняков.

Парадокс объясняется тем, что существует нижний порог нищеты, за которым наступает смерть от истощения, и люди, попадающие в эту зону, естественным образом выбывают как из жизни, так и из статистики. Поэтому в обществе, где этот порог составляет выше 40 процентов от среднего дохода, бедняков нельзя учесть по нормам официальной статистики, например, в Кампучии или Эфиопии. Там бедняков нет, они просто умерли от голода. В США и у нас, в Израиле, бедняков много: ведь если в средний доход рядовой семьи включены машина, большая квартира, ежегодная смена туалетов и проч., то семья, не имеющая машины, живущая в тесной квартире, экономящая деньги для покупки новой одежды, будет действительно бедной, даже если она сыта, одета, может дать образование детям и получить определенные общественно-культурные услуги.

Так мы в Израиле узнали наконец, почему у нас много бедняков. Редактор "Маарива" назвал уровень бедности согласно официальной статистике — "линией зависти"...

Пытаясь объяснить, что не стоит верить статистике, когда она пишет об экономическом кризисе в Израиле, я не отрицаю наличие кризиса, а только напоминаю, что все в мире относительно и наш экономический кризис во многих странах считался бы "просперити"...

Примерно то же можно сказать о трех других кризисах, которые, по сообщениям мировой прессы, перманентно на-

личествуют в Израиле: кризис религиозный (столкновения между людьми религиозными и светскими), кризис этнический (столкновения между арабами и евреями Израиля и одновременно между европейскими евреями и выходцами из мусульманских стран) и кризис военный (непрерывные столкновения с соседями, "перманентная война").

Мои заметки — это заметки литератора, то есть наблюдателя-неспециалиста, который, однако, претендует на проникновение в суть явлений, прикрытую внешней, газетно-телевизионной оболочкой. С этой точки зрения некоторые кризисы в Израиле выглядят в значительной мере порождением не реальной действительности, а... средств массовой информации. Ведь любой кризис — это так интересно для печати!

Начну с религиозного кризиса, с "клерикального засилья" в Израиле.

Известно, что в нашей стране по субботам не работает общественный транспорт, что в последние годы представителям религиозных кругов удалось провести в парламенте (Кнессете) несколько специфических законопроектов, например, отмену полетов национальной компании "Эль-Аль" по субботам (кто хочет лететь — летает на самолетах иностранных авиакомпаний). Однажды они потребовали отмены некоторых выражений, произносимых со сцены Хайфского театра (типа "Будь проклят Бог!"), и хотя почти не было шансов, что противники богохульства смогут что-то сделать, сам президент государства обратился к труппе и попросил ради него убрать хотя бы одно выражение (как раз вышеприведенное), и театр уступил просьбе президента... Словом, как выражается один мой знакомый, "хомейнизм наступает!" Какая тема для печати, особенно для "дружественной": средневековые кафтаны, старинного покроя шляпы и меховые шапки постепенно захватывают власть в демократическом Израиле!

По секрету (чтоб не разочаровывать) сообщу вам: ничего подобного нет. Как раньше религиозные партии представляли меньшинство, так и теперь представляют. Взятые

все вместе, они ведут за собой около 15 процентов израильских избирателей. Это немало, но шансов диктовать свою волю остальным у них столько же, сколько, например, было у негритянских избирателей в США провести в президенты чернокожего пастора Джексона.

Религиозные партии ведут не наступательную, а оборонительную борьбу. Их несомненные успехи последних лет объясняются тем, что они играли роль баланса при двух мощных партийных блоках — правоцентристском Ликуде и левоцентристском Маарахе, собиравших вместе свыше 70 процентов голосов. Поскольку избиратели, голосующие за коммунистов (в основном израильские арабы), практически не влияют на исход парламентских баталий, депутаты от религиозных партий оказались тем "разновесом", который давал реальную власть тому или иному блоку, и соответственно требовали за сотрудничество политическую цену. Это нормальная процедура в любом демократическом обществе. Так, никто не кричит о наступлении либералов (СвДП) в ФРГ, грозящем захлестнуть страну, или о социалистическом диктате в Италии, хотя в этой республике социалисты уже получали пост премьера. А ведь чисто политически ситуация в Израиле та же самая.

Каждому понятно: в демократическом государстве завоевания такого рода эфемерны. Вчера в Кнессете провели закон о запрещении полетов "Эль-Аля" по субботам, а завтра в итоге новых выборов какой-нибудь из блоков одержит решительную победу и сможет сформировать правительство без участия религиозных партнеров, или же Ликуд и Маарах договорятся друг с другом без участия малых партий — и что тогда останется от всех завоеваний, добытых хитроумной тактикой, но не опирающихся на поддержку большинства, и потому внутренне непрочных?

Более того, сам блок религиозных партий только несведущему человеку со стороны кажется чем-то единым, таким "черным блоком". При ближайшем рассмотрении становится ясно, что религиозные партии враждуют друг с дру-

гом едва ли не более остро, чем с партиями светскими (как и положено тому быть: вспомните заученную с детства вражду фракций в РСДРП). И на поверхности оказывается опять-таки не главное течение, а "драматические группы", способные привлечь к себе внимание масс-медиа. Ну, например, маленькая группа, замышлявшая ни более ни менее, как захват горы Мория, на которой некогда находился Иерусалимский Храм, а сейчас расположена одна из величайших святынь мусульманского мира — так называемая "мечеть Омара".

Чтобы представить, насколько это дерзко, достаточно вспомнить, что с точки зрения ортодоксального иудаизма эти молодые фанатики совершали святотатство! Когда я впервые оказался у входа на Храмовую гору, то увидел там написанное на нескольких языках, в том числе и на русском, объявление Верховного раввина, в котором говорилось, что верующим евреям запрещено вступать на территорию, где находился Храм. Этот запрет, впервые установленный в Талмуде и кодифицированный величайшим богословом иудаизма Рамбамом (Маймонидом), носит глубоко религиозный характер: так как неизвестно, в какой именно точке Храмовой горы находилась Святая Святых — местопребывание *Шехины* (Божественное присутствие), то верующий может случайно наступить на это место, что с точки зрения религии — величайший грех, караемый смертью. Поэтому у правительства практически нет разногласий с раввином при охране святых мест ислама, но вот нашлась группа молодых верующих, которые преступили запрет и попытались захватить гору — вопреки указаниям полиции и раввинов.

Другой постоянно муссируемый средствами массовой информации "религиозный порыв" — бросание по субботам камней в автомашины, едущие в иерусалимский район Рамот мимо кварталов, где живет много религиозных людей. Господи, где я только ни читал об этих камнях! Уже в двух советских романах они фигурируют как этакое кредо ортодоксальных иудеев.

Сами эти действия, разумеется, вызывают у меня глубо-

чайшее возмущение, но именно потому, что в моих глазах они представляют собой святотатственное нарушение субботы, оскорбление религии. Если по субботам нельзя даже писать, то как можно бросать камни! Да еще с риском попасть в человека, то есть с риском нанести ущерб здоровью и жизни, а ведь согласно точному раввинскому предписанию для спасения жизни человека не только дозволено нарушать любые субботние *мицвот*, но и само их нарушение в этом случае становится заслугой перед Богом! По правде сказать, я не мог понять в этой истории только одно: как мог терпеть это грубое нарушение религии Верховный раввинат страны! (Правда, Бога пытались "обмануть": на демонстрацию бросания камней посылали детей, не достигших тринадцати лет, то есть, по религиозным канонам, несовершеннолетних, не обязанных еще соблюдать все предписания веры.)

Наконец, грянул гром: попали-таки камнем в человека — в мэра Иерусалима Тедди Колека, да еще когда он возвращался из синагоги после молитвы.

Только тогда раввинат набрался мужества и объявил это постыдное действие тем, чем оно является на самом деле, — кощунственным оскорблением основ веры.

Как видите, я не слеп, отлично различаю всплески религиозного фанатизма и прочее, поэтому мой последующий анализ ситуации — даже если он окажется неверен (кто может претендовать на точное познание истины?), все же вытекает не из незнания фактов, которые предподносятся вам газетами, радио, телевидением, — фактов, которые я вблизи просто лучше вижу, чем мои оппоненты издали.

Первое, что видится вблизи: не существует никакого "религиозного лагеря". Есть люди, верующие в Бога и соблюдающие при этом традиции предков, — люди разные: фанатичные и умеренные, умные и глупые, самоуверенные и скромные, образованные и невежественные. Люди как все прочие, как мы с вами. Называть их чохом фанатиками, или властолюбцами, или еще как-нибудь так же справедливо, как говорить: "все евреи — торгаши", "все негры — лодыри",

”все русские — коммунисты”, ”все американцы — капиталисты”. Желаящие могут продолжить этот ряд без особых усилий, аналогичным ”кликухам” нас, к сожалению, учили с детства...

Вблизи же видны не только фанатики, метавшие камни в автомобили, но и полицейские, решительно сметавшие их с дороги, а во главе полиции тогда стоял, между прочим, многолетний лидер Национально-религиозной партии д-р Йосеф Бург.

Вопреки многочисленным опасениям светских кругов, другой министр-религиозник в правительстве Бегина, Звун-лун Хаммер, возглавив народное просвещение Израиля, сумел сохранить и умножить достижения светских школ и во все не использовал свое положение для искусственного насаждения клерикальных тенденций в системе просвещения.

Дураков и фанатиков, гордых лишь сопричастностью к миру религиозной мудрости, но самих по себе вовсе не мудрых, в Израиле хватает. Но, надеюсь, и гражданам страны, где некогда существовали секты ”хлыстов”, ”скопцов”, как и гражданам другой страны, где и поныне существует ”церковь Сатаны” и прочие подобные явления, не надо объяснять слишком долго, что фанатики и дураки есть в любой вере — и в иудаизме, и в христианстве, и в исламе. Но не ими, а людьми добрыми, порядочными, совестливыми, уважающими право, определяется бытие любой религии, в том числе иудаизма. Когда смотришь вблизи, вдруг замечаешь радугу цветов там, где торопливый любитель кризисов видит лишь одноцветную вспышку фанатизма.

ПАЛЕСТИНСКИЙ ВОПРОС

Пожалуй, нет такого вопроса, который разделял бы народ Израиля и западный мир — куда израильтяне себя относят, — так решительно, как вопрос палестинский.

В самом деле, что видит западный наблюдатель в Иудее и Самарии, на так называемых "контролируемых территориях"?

Он видит, что современный цивилизованный народ с демократическими учреждениями угнетает, лишает прав человека и национальных прав другой, покоренный народ. Он видит полицейский режим, проверки и обыски, аресты и снос домов, конфискацию земель и неокOLONиализм, а с другой стороны, нескончаемое сопротивление — камни против автоматов, дети против солдат, девушки против полиции. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, на чьей стороне будут симпатии любого западного человека: на стороне слабого против сильного, на стороне угнетенного против угнетателя.

В этой ясной ситуации западного человека смущает, правда, одно обстоятельство: явная глупость израильтян. Ведь, стремясь присоединить к своей территории Иудею и Самарию, Израиль тем самым увеличивает арабское нацменьшинство страны в два раза и создает демографическую угрозу еврейскому государству, со временем способную разнести его вдребезги — как, например, на наших глазах разваливается Ливан. Некогда христианские лидеры этой страны, пользуясь особыми связями с Францией, добились от метрополии расширения границ Ливана вне зоны исторического расселения христианской общины, создали относительно большое государство и сейчас пожинают плоды своей политической и демографической недальновидности. Таким образом, в глазах западных политиков и публицистов израильтяне не только несправедливы в палестинском вопросе, они еще и недальновидны: из-за какой-то непонятной жадности и экстремизма подрывают собственные государственные интересы. Поэтому противодействовать им не только морально, но и разумно, полезно для всех сторон, включая Израиль.

В этой классически ясной картине, бесспорной, как физическая картина мира в прошлом веке, есть только одно явление, противоречащее всему остальному своду фактов:

это принципиальное, программное требование Организации освобождения Палестины (ООП) об уничтожении государства Израиль и изгнании евреев отсюда в страны исхода.

Политики разных стран, пацифисты, общественные деятели, борцы за права угнетенных народов и т. д. пробуют всевозможными путями избавиться от этого омрачающего всю картину явления. В самом деле, представьте по аналогии, что, к примеру, украинцы требуют не только независимого государственного существования, но одновременно уничтожения России и изгнания русского народа из пределов Европы, — попробуйте после этого оспаривать право Москвы расправляться с таким движением в меру ее неограниченных сил. Или представьте, что ирландцы в Ольстере требуют уничтожения Великобритании и изгнания англичан с островов на континент, откуда прибыли их предки. Поэтому с просьбой убрать неуместное требование из программы ООП обращаются к палестинцам всевозможные доброжелатели, объясняя, насколько сразу улучшилось бы их международное положение, какие возможности это изъятие из программы всего лишь одного пункта открыло бы перед друзьями палестинцев во всем мире, да и в самом Израиле... Эти просьбы потоком идут в ООП годами. Более того, аналогичные просьбы поступали в ООП даже от тех, кому вроде бы не полагается отказывать. Когда израильтяне захватили в Сайде (древнем Сидоне) штаб-квартиру Арафата, была в числе прочих трофеев найдена и опубликована стенограмма его беседы с г-ном Громыко. И вот оказалось, что Громыко тоже просил Арафата изъять из программы ООП пункт об уничтожении Израиля, объясняя, что иначе советская дипломатия бессильна ему помочь. Но даже просьбу такой серьезной инстанции Арафат обошел дипломатическим молчанием. Итак, на взгляд разумного западного человека, перед нами два стана безумцев: угнетатели-израильтяне, ставящие под удар существование своего государства и моральные его основы, и несчастные палестинцы, отказывающиеся от единственного реального способа добиться для себя независимости.

Как та же самая картина представляется израильтянам? Необходимая преамбула: израильтяне глубоко не уважают западную точку зрения. По их мнению, люди Запада применяют двойную бухгалтерию при оценке действий израильтян и арабов. От евреев они требуют поступать, "как положено цивилизованным людям", к арабам же относятся как к животным, которых обижают злые хозяева. В глазах израильтян западное общество в целом выглядит таким "Обществом покровительства животным", где арабы призваны играть роль объекта опеки сердобольных людей.

Вот несколько примеров, подкрепляющих это убеждение израильтян.

Когда произошел погром в Сабре и Шатиле, мировое общественное мнение резко осуждало израильтян. Но почти никто и нигде не говорил о непосредственных убийцах, о фалангистах! Ибо нормально осуждать человека, когда он убивает безоружного, пусть даже противника, но ведь никому не придет в голову осуждать, скажем, рысь или змею за убийство лани или кролика или говорить о невинности жертв в этом случае. Когда впоследствии французские морские пехотинцы оставили свои позиции в Бейруте и Сабру и Шатилу снова заняли противники ООП (шииты), там снова произошла резня, но никто в мире не шевельнулся: арабы убивают арабов? Эка невидаль! Так и положено в джунглях, это их образ жизни...

Десятки раз осуждала ООН нашу страну за действия, направленные против палестинцев. Но, возможно, в Израиле серьезней отнеслись бы к этому осуждению, если бы ООН аналогичным образом прореагировала, например, на истребление сил Арафата в Триполи (на севере Ливана), произведенное по приказу президента Сирии. Несомненно, что Асад при этом хотел покончить с идеей независимого от Сирии палестинского движения, а потом и государства (потому Арафат так и сопротивлялся его давлению). Но никто не осудил Асада за стремление лишить палестинский народ его права на независимость — ни страны Запада, ни страны Востока, ни арабские государства...

Все это израильтяне поминали десятки раз, и все это вызывало в них глубокое неуважение к западной позиции, какое всегда вызывает в нормальном человеке субъект, подозреваемый в двойной морали.

Но, приглядевшись, видишь, что неуважение израильтян к общественному мнению Запада и ООН имеет еще один источник: неуважение специалистов к дилетантам.

Израильтяне внутренне уверены, что при всем разделяющем их с палестинцами (и вообще с арабами) антагонизме они на самом деле относятся к противнику человечнее и, в свою очередь, по-человечески им ближе и понятнее, чем собственные "союзники" палестинцев. Ибо они считают палестинцев людьми, полностью отвечающими за свои поступки (пусть иногда дикие и нелогичные с европейской точки зрения), имеющими убеждения и мотивы, которые по-своему заслуживают понимания и уважения. Поэтому они верят палестинцам, когда те кричат об уничтожении евреев и изгнании их в море, и не считают это просто ревом животных, нуждающихся в одомашнивании.

Бегин ненавидел Арафата, как только можно ненавидеть непримиримого врага, но он понимал, что когда Арафат говорит о себе: "Я человек с религиозной миссией", — он говорит правду о том, как он себя ощущает и осознает, и это-то и дает ему силы для борьбы. Бегин и сам ощущал себя человеком подобной миссии и потому не уговаривал Арафата (как Громыко) изъять требование об уничтожении Израиля из программы ООП. Более того, если бы Арафату удалось уговорить своих людей хотя бы для виду принять идею сосуществования с Израилем, уже на другой день после образования палестинского мини-государства он стал бы готовиться к "освобождению" остальной территории Эрец-Исраэль. Но собственных сил для выполнения такой задачи он собрать не может (даже численно арафатовцы намного уступают израильтянам), и у него не останется другого выхода, кроме как пригласить советские войска. Разумеется, он не в восторге от этого: он не коммунист, и эта идеология верующему му-

сультанину скорее всего неприятна. Но выхода нет, и если Арафат останется верен себе, он это сделает. Так, во всяком случае, думают многие в Израиле.

В основе отношения израильтян к действиям палестинцев лежит убеждение, сформулированное теоретиком сионизма Вл. Жаботинским: "Именно потому, что арабы живой народ, а не сброд, они не уступят нам своей земли. Ни один живой народ не уступает в таких громадных, принципиальных вопросах до тех пор, пока есть хоть шанс на победу". Израильтяне могут презирать те или иные методы палестинцев (террор против мирного населения, например), могут считать, что палестинцы непрерывно делают тактические ошибки в переговорах и расчетах, но самая их борьба и ее цели им понятны. Они видят историческую трагедию в том, что земля одна, а народов — два! И предлагать поделиться по-доброму, с их точки зрения, все равно, что советовать США переделить южные штаты с Мексикой или Дальний Запад — с индейцами.

Тот же Жаботинский предсказывал: только непобедимая могучая армия и полная невозможность ее одолеть приводят в подобных ситуациях противника в отчаяние и только в отчаянии он способен на разумный компромисс. Повторяю, с точки зрения израильтян это отнюдь не характеризует палестинцев как зверей, наоборот, такое сопротивление — в природе живого и развивающегося народа. Разве некогда пуритане не поставили на дыбы Англию ради нескольких строк священных книг? Разве только из-за пошлины на чай восстали Штаты? Кто так думает, тот ничего не понимает в истории. Израильтяне по-своему уважают и мотивы палестинцев, потому что сами сравнительно недавно прошли похожий путь. Потому-то им не приходит в голову, что можно скоро "уладить все по-хорошему": это значит — посчитать борца торгошом и властолюбцем.

Ошибка Арафата и его людей в том, что в своих расчетах они руководствуются привычными схемами антиколоннальной борьбы. Если бороться в двадцатом веке достаточ-

но долго, не теряя мужества и веры, можно выгнать даже Англию из Индии и с Ближнего Востока, даже Францию из Вьетнама и Алжира: нужно только не уступать...

В чем просчет ооповцев? В том, что им противостоит не колониальная держава, а народ, ведомый чувством неотъемлемой связанности с этой землей. Он не уйдет хотя бы потому, что ему некуда уходить, как некуда уходить народу США, тоже ведь составленному из потомков эмигрантов. Еврейский народ может, уступая, потерять не ту или иную политическую привилегию, престиж и прочее, но — родину. А какой же живой народ уступает в этом вопросе? — возвращаемся мы опять к тезису Жаботинского.

Любопытно, что сторонники Израиля на Западе столь же мало понимают здешнюю ситуацию, как и друзья палестинцев. Они восхищаются, что в Израиле у граждан-арабов равные права с евреями, что оккупация в Иудее и Самарии — самая мягкая на свете, что там открыто несколько университетов для арабов, есть свободный въезд в страну и выезд из страны за границу, есть свобода печати, что арабский язык — один из государственных языков Израиля, и гостелевидение полтора часа в день вещает по-арабски. Но на самом деле фактического равенства для арабов, конечно, нет и не может быть в Израиле до тех пор, пока идет война и арабское меньшинство является эмоциональным — как минимум — союзником противника.

Политика Израиля, которой так восхищаются его друзья, была определена еще основателем государства Давидом Бен-Гурионом: он сказал своему первому помощнику по арабским делам: "Позаботься о том, чтобы им было что терять!" Жизненный уровень арабского населения в Израиле и на территориях поднялся необыкновенно, появились новые заработки, возможность получить образование, а с ним и возможности отличного трудоустройства в странах мусульманского мира. Отъезд из Израиля образованных и динамичных палестинцев велик, выезжает как раз интеллигенция, хранительница национальных ценностей, да и национального сопротивления

ния тоже. Соответственно, масштаб сопротивления израильтянам внутри страны почти двадцать лет был относительно мал. "Земля горит под ногами оккупантов" — эта фраза в нашей стране вызывала улыбку. Сопротивление исходило прежде всего из-за рубежа, из арабских стран, где живут эмигранты и беженцы. Ибо тамошним палестинцам, в отличие от израильских, часто действительно нечего было терять, кроме своих цепей.

Но это уже иная тема.

Однажды я прочитал в парижской газете "Русская мысль" статью о фильме американского режиссера Офры Бикел "Русские здесь!" Автор М. Поповский цитировал Офру Бикел: "Мы в Америке считаем, что наша разновидность свободы — лучшая в мире. И мы готовы наделить своей свободой весь мир, мы готовы воевать за эту свободу, нам кажется, что все народы мира сидят и ждут, когда же американцы принесут им свободу. Но это не так. Наша система жестока и жестка... И я задалась вопросом: а как выглядит наша свобода для тех, кто вырос в иных условиях, как выглядит свобода для вновь прибывших, которые жили при другой системе?"

Я вижу в этой цитате типичную ошибку западных общественных кругов, вызывающую неуважение у израильтян (и у палестинцев, думается, тоже). Все человечество делится как бы на две расы. Первая — люди, подобные Офре Бикел, любящие свободу и готовые выстоять на ее жестоком и жестком ветру, люди, которые не откажутся от свободы ни за какие блага. От свободы для себя. Другая раса — это те, кто может обойтись без свободы. В этом нет для них ничего обидного. Разве, например, есть что-либо унижительное для собаки или коровы в том, что они не чувствуют, как человек? Нет. У собаки или коровы есть и свои немалые достоинства. К этим существам можно привязаться всей душой, о них можно и должно заботиться. А если кто-то станет проводить опыты по насаждению в своре или стаде человеческих порядков, то тем самым он будет мучить бедных животных,

расшатывать их нервы, доведет до срывов или даже смерти. "Общество покровительства животным" обязано их защищать от подобных попыток.

Таковыми существами, по мнению некоторых людей Запада, являются "эти бедные русские", которые так страдают от американской свободы. Или же палестинцы, затравленные жестокими израильтянами...

Что касается "русских" (разрешите немного повременить с палестинцами), то мне вспомнился эпизод, который, возможно, кое-что объяснит Офре Бикел в психологии этого "странного народца".

Было это летом 1980 года; моя семья жила в центре абсорбции Гиват-Ольга. В другом центре абсорбции, в Хайфе, репатрианты объявили всеобщую забастовку (это отдельная и большая тема, сегодня ее не буду касаться). Наш центр был открыт незадолго до нее, мы учили иврит и еще не столкнулись с теми проблемами жилищного и трудового устройства, которые волновали хайфских ветеранов.

Поэтому когда к нам приехали их делегаты, чтобы уговорить присоединиться к всеобщей забастовке репатриантов, у них поначалу не было никаких шансов на то, что кто-то из недавних советских людей пойдет на конфликт с начальством ради непонятных требований и неизбежных будущих обид.

Речи организаторов забастовки мы слушали с холодным недоверием. Но тут в зал, где собрались репатрианты, вошел местный чиновник. Он не хотел допустить подрыва порядков и устоев в вверенном ему заведении, подошел к выступавшему и предложил немедленно удалиться "с территории".

Следует отметить, что в нашем "провинциальном" центре абсорбции жили, что называется, люди простые, те самые образованные обыватели, которыми занималась Офра Бикел. Обычные разговоры касались зарплаты, продуктов и цен, где и что можно скомбинировать, купить, заработать.

Но вот чиновник посягнул на их свободу — на их право выслушать забастовщика и решить вопрос о стачке отрицательно! Что произошло с "обывателями"! Казалось, чинов-

ника убьют на месте: бывший чемпион по боксу уже принял стойку под одобрительные возгласы собравшихся. Я буквально заслонил своим телом беднягу, и блюстителя порядка просто выволокли за руки и за ноги. Тут же собрание решило присоединиться к бастующим и выбрало своих руководителей (меня в их числе, хотя я был противником забастовки).

Так внезапно обнажилась скрытая даже от их собственных глаз истина: прежде всего этим людям из Союза, внешним нытикам или рвачам, жалобщикам и обывателям, — нужна была свобода: право самим решать свою судьбу. Это они искали в Израиле. Кстати, свобода ведь включает в себя и право не пользоваться ее привилегиями, не участвовать в выборах, не впутываться в общественные дискуссии и т. д. Не хочу — и не буду. В США, к примеру, не принимают участие в выборах президента до 40 процентов избирателей. Но попробуйте их лишить права голосовать, которым они не пользуются — они всю страну на уши поставят.

Вернемся теперь на Ближний Восток — к вопросу о палестинцах. Чем больше я наблюдаю здешнюю жизнь, чем больше читаю исторических документов, посвященных арабо-еврейскому конфликту, тем больше убеждаюсь в правоте А.Солженицына, который в своем "Ответе трем студентам" заметил: "Уверен, что в глубине души лучшие из арабов знают, что Израиль по справедливости должен жить и быть".

Да, это верно. Конечно, их лидеры кричат иное, и массы вторят им. Конечно, внешне большинство арабов выглядит в глазах своих западных доброжелателей носителями иных ценностей, чем европейцы, то есть людьми, которые не понимают, что другой народ, например, евреи, имеет такое же право на собственную родину, как и они сами. Посто­роннему взгляду может показаться, что лишь широкие, толерантные, образованные выпускники западных университетов способны вникнуть в чужое положение, в чужую ситуацию, почувствовать чужую справедливость, а эти темпераментные дикари с Востока — у них другая психология, и

в отношениях с ними надо руководствоваться иными правилами, не такими, как у других народов. Их надо жалеть, им полагается сочувствовать (как сочувствуют людям, физически и умственно неполноценным), жертвуя деньги, чтобы обеспечить им сносное существование.

Я, естественно, не знаком с арабскими лидерами и даже рядовыми арабскими националистами, зато знаком с нашими, еврейскими крайними, которые вслух рассуждают точно по арабской модели: та же аргументация, хотя с противоположным знаком. И, думается, их зеркальные арабские отражения не слишком отличаются от наших экстремистов. Поэтому подобную логику могу изучать с близкой дистанции.

Наши "крайние", призывающие силой изгнать арабов из Эрец-Исраэль, готовые лично обыскивать, стрелять, высылать, — они отлично знают, что намерены применять жестокие средства и творить страшное дело. По своим исходным духовным ценностям они нисколько не отличаются от либеральных деятелей, вроде той же Офры Бикел.

Изгнание арабов представляется им: а) выгодным для собственного народа (чье благо кажется им более высокой ценностью, чем права чужого); б) исполнением религиозного предначертания, если они верующие, или воли исторического прогресса — если неверующие.

Следовательно, никакого заблуждения насчет нравственной оценки, никакого расхождения в этом плане с любым цивилизованным человеком у них нет. Разница в том, что успех люди подобных взглядов готовы оплачивать преступлением. И считают это оправданным — даже с моральной точки зрения.

Это, по-моему, объясняет, почему арабы так "неблагодарны" своим союзникам: почему они легко предали интересы Британской империи, которая в меру своих сил поддерживала их на Ближнем Востоке, почему так же легко предают интересы своих попечителей, почему нарушают союзнические обязательства друг перед другом. Издали это выглядит как особое проявление арабской ментальности с присущим

ей непостоянством. Но когда вглядываешься в историю ретроспективно, начинаешь лучше понимать истоки подобной "неверности": если арабы в глубине души, согласно Солженицыну, знают, что Израиль по справедливости *должен жить и быть*, почему, собственно, они обязаны испытывать благодарность по отношению к той же Британской империи или к СССР, которые помогали им в достижении несправедливой, хотя бы и выгодной цели! Если дело завершилось успехом, можно чувствовать признательность к сообщнику. Но в случае неудачи тот, кто тебе помогал в плохом деле, не может и не должен рассчитывать на доброе чувство: он содействовал тебе, руководствуясь собственной выгодой, а не сумел принести пользу — так пошел вон! И это, по сути, нравственная, а не безнравственная арабская позиция.

В Израиле убеждены, что арабы знают об аморальности своих требований и просто надеются, что поскольку их много и влияние их на мир велико, то рано или поздно им удастся претворить в жизнь свои претензии, пусть несправедливые, но — выгодные их народу. Это, по мнению израильтян, достаточно логичная для арабов позиция, и мы вовсе не относимся к своим противникам как к несмышленишкам, которым якобы надо объяснить, в чем их истинная польза и истинные права. Выход для Израиля один — стоять на своем настолько твердо, что арабы убедятся: выигрыша не будет никогда, и пойдут на переговоры. Пока же есть у них надежда на выигрыш, любое сочувствие палестинскому делу на Западе рассматривается палестинцами как дополнительная карта в их игре, но не как честное стремление добиться решения. Поддержка Запада лишь подстрекает их искать шансы снова и снова, в надежде на внезапную удачу проигрывая и теряя даже то, что еще можно спасти.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЭМИГРАЦИИ

Один американский литератор российского происхождения пишет мне: "Нам более интересна широкая информация о жизни страны во всех ее аспектах, а не только о культурной жизни эмиграции".

Эта фраза и навела меня на мысль поговорить о различиях в культурной жизни американской и израильской русскоязычной публики.

С интересом встретили в Израиле книгу американских авторов П. Вайля и А. Гениса "Потерянный рай". Читая ее, начинаешь отчетливо понимать, что именно мы потеряли, а что — приобрели, выбрав некогда в Вене не США, Канаду или Австралию, а Израиль.

Прочитую финал книги, где два "новых американца" с блестящим юмором и блестящей памятью перечисляют, что именно потеряли их нынешние земляки, выбравшие родиной не СССР, а США:

"Мы безвозвратно утратили: полноценное общение, настоящую горчицу, друзей, свободное рабочее время, ненавистную власть, национальный престиж, пиетет к слову, граненые стаканы, беспечность существования, семейные узы, розовый портвейн, веру в перемены, политические анекдоты, любовь к родине, отвращение к родине, безразличие к родине, эзопов язык, интерес к религии, извращенное желание быть гонимым евреем, борьбу с мещанством, антисемитизм, Чапаева, славянские древности, самиздат, неустроенный быт, милосердие, романтику дальних странствий, конгениальных врагов, ехидную иронию, коммунальные удобства, мазохистскую страсть к передовицам, веселую бедность, письма из-за рубежа, готовность вступить за слабого, неконформизм, объединяющее чувство протеста, ощущение всенародного гнева, правдоискательство, тягу к народу, народ, возвышающее чувство избранности, столичные рестораны, Би-Би-Си, русскую баню, живых иностранцев, первую любовь, идейных

противников, идеи, широту русского размаха, очереди, тайну происхождения, прописку, могилы предков, домашнюю библиотеку, чувство юмора и одну шестую часть суши”.

Ага, подумал я, это то, что вы потеряли, мои заокеанские читатели! А вот мы почти ничего из этого джентльменского набора ухитрились не потерять.

Конечно, человек в моем возрасте потерял-таки первую любовь и опять же незнание тайны происхождения; пожалуй, еще Би-Би-Си (его заменило советское телевидение). Все остальное у нас есть, да еще с чисто западным избытком предложения над спросом: и любовь к родине, и отвращение к родине, и безразличие к родине; есть у нас и враги, и идеи (ого, еще какие! Недавно прочел рукопись в тридцать страниц под скромным названием ”Сущность мира”. Ее содержание вполне соответствовало заглавию). Есть у нас любовь к передовицам (их функции выполняет вечерняя программа теленовостей); есть иностранцы (в этой роли выступают здесь американские приятели); есть правдоискательство (именуется оно, впрочем, ”еврейским мазохизмом”); и уж тем более есть ощущение всенародного гнева и всенародного протеста...

Словом, психологический строй Израиля напоминает мне Россию, только без изменений, которые произошли в ней после 1917 года; Россию с ее традиционными минусами, плюсами и ценностями. Вот почему, по-моему, специфической культурной жизни эмиграции у нас не существует: уже через три-четыре года почти каждый репатриант психологически вписался в местную жизнь, живет вполне здешними, точно такими, как у всякого аборигена, интересами, в чем-то разделяет его вкусы и пристрастия, в чем-то, наоборот, воздействует на него, подтягивая к российскому стереотипу. Поэтому рассказ о здешних ”эмигрантах из России” есть, в сущности, рассказ про самых обычных израильтян, но, конечно, с одной весьма важной особенностью, одним существенным отклонением от средней нормы — любовью к русскому языку.

Русский язык в Израиле — тема особая. Вспомните, что местный истеблишмент если не приехал из России, то, во всяком случае, "прошел" через нее во время войны и бегства от гитлеровцев, и русский язык многие помнят с юности. Скажу лишь, что на днях слушал часовую передачу одной из местных радиостанций "Русские народные песни", и до сих пор мне странно слышать по ивритскому радио в городском автобусе: "И такой на небе месяц — хоть иголку подбирай!" — Исаковского с Дунаевским... А периодически транслируемое по телевидению массовое хоровое пение под руководством знаменитой кибуцной красавицы Сареле Шарон, когда весь зал поет вместе с артистами! Когда я впервые услышал их по телевизору, думал, умру от смеха: кибуцники всех возрастов и поколений дружно пели на иврите... "Вечер на рейде" Соловьева, сами понимаете, Седого, "Синенький скромный платочек", "Цветочницу Анюту" и гвоздь программы — "Степь да степь кругом". Ей-Богу! Потом, узнав немного иврит, стал понимать, что передавал поклон родной матушке не ямщик в степи глухой, а водитель, помиравший от жажды в Негеве.

Словом, кто хотел, тот сохранил все, что накопил в российской жизни, кроме, разумеется, шестой части суши. Чего нет, того нет. Израиль занимает лишь шеститысячную ее часть.

Культурная жизнь эмиграции? Пожалуй, что-то такое существует, но у нее в Израиле особый, специфический, невозможный в другом месте оттенок. Я уже писал, что со дня основания одного из первых еврейских поселений, Ришон-ле-Циона, минуло сто с небольшим лет. Со дня утверждения иврита как разговорного языка прошло и того меньше — лет семьдесят. За такой срок полноценную национальную культуру создать невозможно, созревание культуры требует веков, и катализаторы помогают слабо. Помните старый российский анекдот: обком поставил перед местным НИИ задачу — решить проблему искусственного оплодотворения женщины. Директор отрапортовал: будет сделано, найдем под-

ходящую женщину и через девять месяцев выдадим результат. Нет, возразили на бюро, ты возьми трех женщин и выдай результат через три месяца... Культуре для ее созревания тоже требуется "девять месяцев", и перескочить через этот барьер почти невозможно.

Формированию израильской культуры мешает, в частности, невероятно напряженный темп здешней жизни, которая просто не успевает отлиться в формы, наблюдаемые художником в качестве объекта. Об этом интересно рассказал в интервью израильскому русскоязычному журналу "Двадцать два" самый, пожалуй, известный израильский прозаик-сабра Амос Оз (потомок репатриантов из России, он тонко чувствует проблемы культуры Булгакова и Солженицына, за что его в шутку прозвали "самым русским писателем на иврите"): "Стабильность культурной жизни проявляется прежде всего в языке. Когда ты говоришь "мужик", тебе нечего пояснять: мужик в сапогах прямо перед тобой... Но что стоит за словом "мужик" на иврите? Уроженец Йемена с фермы? Очкарик из кибуца? Парень-поселенец из Гуш-эму-ним? Или старожил-"йеке" (так называют в Израиле выходцев из Германии. — М. Х.), на книжной полке которого "Процесс" Кафки соседствует с "Руководством по уничтожению вредных насекомых"? Динамизм и мобильность нашего общества столь драматичны, что язык перестает определять существующие явления, он сам претерпевает быстрые изменения, и это оказывает болезненное влияние на развитие нашей культуры".

И Амос Оз делает вывод: "Что же расцветает на нашей культурной ниве? Ситуация духовной, интеллектуальной напряженности небывалой остроты — вот что. И эта ситуация — начальное условие для расцвета культуры".

...Минусы сегодняшней израильской культурной жизни те же самые, что были некогда в культурной жизни США. Собственно, может быть, для репатриантов — это не только минусы, но и плюсы? Молодая культура, без крепких традиций, без выработанной ею оригинальной школы, без накоп-

ленного за века вкуса у широкой публики... Отсюда же вытекает гнев против Израиля у многих выходцев из СССР, особенно у тех, кто, пожив здесь, покинули нашу страну.

Я вовсе не хочу этих людей ругать, напротив, понимаю их психологию, столь удачно прозванную Вайлем и Генисом "психологией потерянного рая". Выехав из СССР, который, согласно их манихейской схеме, должен был обозначать ад, они вдруг увидели, что и в раю их не ценят "по заслугам". Они готовы свои знания, способности, умения, навыки отдать новой родине, а их — не используют. Более того, им явно предпочитают других, на их взгляд, менее ценных работников. Ибо в новом обществе существуют, оказывается, свои традиции, о которых рассказал израильский социолог Ш.Рольбанс:

"В Израиле принято, что место сохраняется за тем, кто первым его занял. Вы нередко встретите на больших постах людей небольшого ума. Но дело в том, что они были здесь, когда вас тут не было. Пройдет время, и вы тоже устроитесь. И приедут новые люди, быть может, моложе, умнее и способнее вас. И они будут думать и говорить о вас то же самое, и вы точно так же не захотите уступать им свое место, веря в свое превосходство".

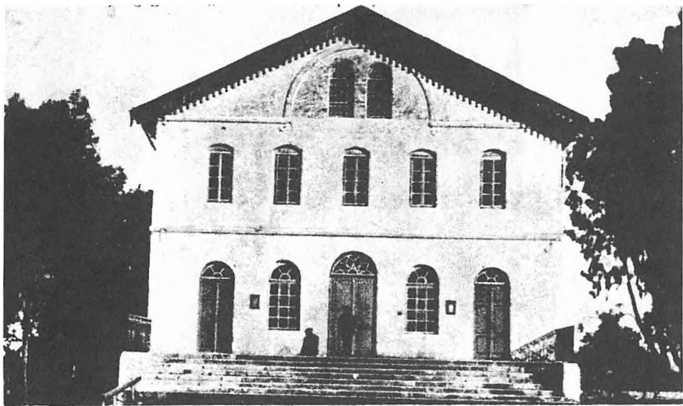
Или другое: "Репатрианты из СССР часто жалуются, что правительство в чем-то о них не позаботилось, чем-то их не обеспечило. А по мне так правительство тем лучше, чем меньше оно для меня делает. Потому что, если правительство будет давать мне жилье, то оно и будет решать, где мне селиться. Если оно будет давать мне работу, то оно и будет решать, чем мне заниматься. Если правительство будет бесплатно давать мне образование, то оно и будет решать, чему я должен учиться. Так пусть уж лучше государство обо мне не заботится, лишь бы оно не мешало мне позаботиться о себе самому".

И, наконец, последнее по счету, но, на мой взгляд, первое по важности, особенно для тех репатриантов, кто пробует оценить свое положение в новой культурной среде: "Вы сравниваете свое положение там, где вы родились и приспособ-

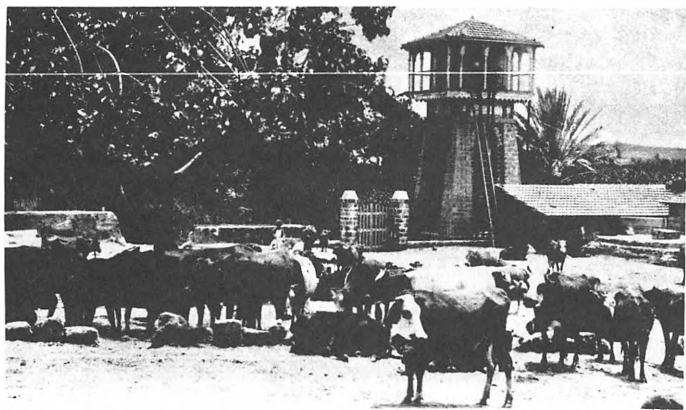
сабливались и жили десятки лет, и здесь, где вы совсем недавно и не знаете ни языка, ни законов, ни обычаев, — говорил израильской интеллигент. — А вы сравните-ка себя там и меня здесь”.

Именно эту истину не успели осознать некоторые российские писатели, уехавшие из Израиля и написавшие за океаном сочинения о нашей стране. Я имею в виду прежде всего роман Григория Свирского ”Прорыв”. В отличие от беспощадных его хулителей, я отношусь к нему снисходительно и понимаю, что неудача, провал романа — это подлинная трагедия автора. Несчастье Свирского, по-моему, заключается в том, что он по вывезенной из Союза традиции все еще ”манихейский автор”, то есть для него все явления мира чуть ли не автоматически делятся на проявления сил добра и сил зла, и в своих глазах автор безусловно рыцарь, обязанный, вопреки всем опасностям, яростно защищать свое видение мира и свой Идеал Добра.

Между тем даже советский мир и уж тем более мир реального Израиля устроен сложнее, на незнакомой автору основе, и далеко не всегда несчастья в жизни общества или отдельных людей вызваны прямыми происками ”драконов”, губителей замечательных российских Персеев, явившихся выручать заточенную Андромеду, сиречь Израиль. Чувства Свирского мне очень часто близки и понятны. Я, например, понимаю его, когда он негодует: почему не оценили замечательного дирижера Юрия Арановича, который вынужден был уехать за границу и стал там руководителем Стокгольмского королевского и Кельнского симфонического оркестров. Я понимаю Г. Свирского, когда он возмущается, что не были оценены такие таланты, приехавшие в страну и готовые работать для нее за полцены, за четверть того, что они могли заработать в других местах, а местные люди нередко не понимали, какое сокровище они приобретали, сколько сил, времени, денег, традиций требуется любому обществу, чтобы вырастить подобное чудо у себя, а тут оно даром дается, и его не ценят, — понимаю, что у многих, в том числе у Свир-



Старая ришонская синагога, "жемчужина палестинской архитектуры".



Водонапорная башня в Ришоне тоже осталась от прошлого.



**14 мая 1948 г.
Давид Бен-Гурион провозглашает Декларацию Независимости.**



1977 г., Иерусалим.

Президент Египта А. Садат и премьер-министр Израиля М. Бегин.



Фрагмент работы Александра Окуня "Иерусалимский полиптих".

ского, это вызвало гнев на Израиль. Но художник объективный мог бы вспомнить не только то, что в Израиле публики меньше, чем в одном Ленинграде, а симфонических оркестров уже сейчас в несколько раз больше, чем в городе на Неве, но и то, что в каждом уже работает дирижер, и, естественно, никто из этих дирижеров не намерен уступать свое место новичку. Да и сам Аранович на их месте не уступил бы свой пульт, если бы вдруг после него приехал из Союза кто-то более талантливый. Не создавать же оркестр под нового *оле* — репатрианта! Кстати, работают за пределами Израиля и блистательный сабра* Даниэль Баренбойм, ныне руководитель Бостонского симфонического оркестра, и многие другие израильские дирижеры. Повторяю, я не осуждаю ни Свирского, ни других за их гнев, но от подлинного художника, от настоящего мастера можно было бы ожидать большего проникновения в суть нового для нас всех мира, хотя бы на уровне тех трех цитат, которые приведены выше. Кстати, тот же Аранович не воспылил гневом, а проявил нечастое в подобных случаях понимание ситуации, мужество и благородство по отношению к своей стране.

Все, что я хочу сказать, сводится, в сущности, к следующему: у нас, тех, кто остался здесь, имеются свои и притом немалые удовольствия. Это удовольствие тех, кто делает новую культуру. У нас нет культурной жизни эмиграции — это правда. Как я понял, русскоязычная культура в Штатах — культура высокого уровня, но все-таки это творчество маргинального слоя американского общества, без особых претензий на выход и вклад в уже сложившуюся американскую культуру. У нас это же явление выглядит по-другому: у нас это израильская культура на русском языке, другая тут с трудом находит сбыт.

Объясню на близких мне примерах — и на том закончу.

В Иерусалиме я посетил мастерскую молодого художника Александра Окуня. Удивительно приятное ощущение, ко-

* С а б р а (*жарг.*) — еврей — уроженец Израиля.

гда любая стенка в старом цеху заброшенной фабрики, где работает Саша, радует глаз — а ведь я вырос, каждый месяц посещая Эрмитаж или Русский музей, и привык с детства к работам незаурядных мастеров. Не надо было притворяться, не требовалось с умным видом вглядываться в холсты, изображая знатока, проникающего якобы в их скрытый от непосвященных смысл, можно было просто любоваться естественной красотой, выдумкой, игрой, которые дразнили меня с каждого сантиметра заставленных картинами стен. А потом прочитал его интервью в парижской "Русской мысли", где Окунь рассказывал о самоощущении мастера, который не жаловался на "губителей алии", правительство, чиновников, а просто трудился. По-моему, он очень неплохо выразил типичный взгляд тех, кто работает в стране рядом с ним:

"Я не знаю, что такое еврейское или израильское искусство. По-моему, еврейской живописи еще не было, и израильской еще нет. Иудаизм на протяжении двух тысяч лет был связан не с архитектурой, а с чемоданом, куда прятали свиток Торы и переезжали с ним с места на место... Когда видишь в парижском пригороде Клюни красные королевские гобелены, а в Центре Помпиду — "Женщину в румынской кофточке" Матисса, то понимаешь, что это явления одного пластического порядка, одних корней, одного дерева культуры, которое непрерывно растет, дает свежие побеги. У евреев, тысячелетиями не живших на одном месте, такого дерева нет... Сегодня? Конечно, есть крупные художники в Израиле, например, Габриэль Козн. Но столица авангарда — Нью-Йорк, и в Израиле это признают. А признание того, что существует столица, и выдает провинцию. Болонья в Италии — город провинциальный, а при жизни Моранди была столицей итальянской живописи... С завистью думаю об армянах, для которых существует одна-единственная столица — Ереван. Поэтому и живопись их своеобразна и непровинциальна. Но работать здесь, где нет никаких пластических традиций, в известном смысле легче — они не давят — и соблазнительно в чисто игровом отношении. Можешь послужить удобрением

для земли, на которой когда-нибудь что-нибудь вырастет, а можешь — подумать только! — и оказаться отцом-основателем. Я с большим почтением отношусь к лауреату Нобелевской премии Агнону, который в 20-м веке создал не существовавшую ранее светскую средневековую еврейскую литературу. Поскольку то, что происходит в сегодняшнем искусстве, меня не слишком устраивает, я по его примеру делаю несуществующую средневековую израильскую живопись... Есть художники, которым безразлично, под каким небом писать. Я завишу от места и ценю эту зависимость. От Иерусалима, от друзей, от дочери, от всего, что люблю. И если работы, сделанные сразу по приезде в Израиль, я мог бы сделать и в другом месте, в России или в Италии, то то, что я делаю сейчас, ни в каком другом месте сделать не смогу. В Италии свет мягкий, бархатный, нежный, в Испании — яркий, жесткий, в Париже — мерцающий, в Израиле — тяжелый, такой неимоверной силы и яркости, что физически ощущаешь его вес. Я врос в этот пейзаж, и тяжелый, беспощадный израильский свет — часть моей жизни... Здесь вкусны маслины и хлеб, женщины красивее, чем в любой из виденных мною стран, летом светит солнце, зимой идет дождь, а иногда снег, есть горы, долины, море, пустыня. Мне хватает..."

Я потому и привел чудовищно длинную цитату, что объяснить это чувство лучше художника, лучше творца все равно не умею.

Двенадцать лет назад приехала в Израиль семья моего друга, художника и писателя Ларского. Когда его девятнадцатилетняя дочь Алла (сейчас она певица) сказала старожилам, что хочет учиться музыке, ей по-дружески объяснили ситуацию: "У нас музыканты не нужны, иди лучше работать в банк". Живший в те годы в Израиле мой друг писал моей жене в Союз: "Возможно, тебе придется не преподавать музыку, а перебирать морковку". Он писал правду — то, что видел. Что было перед его глазами. И уехал в Штаты, не выдержал...

Он не учел одного: что россияне уже приехали и своим

появлением, вкусами, навыками, умением начали изменять климат небольшой, молодой и потому отзывчивой страны. И когда приехала наша семья, уже не существовала проблема — стоит ли учить израильтян музыке. Когда мы поселились на нашей улице Браницкого и гуляли по ближним кварталам вечерами — там было тихо. Сейчас во время вечернего моциона из десятков окон доносятся звуки Моцарта, Бетховена и Шопена, и моя жена с удовлетворением произносит: "Это сделала и я".

Когда в нашей стране пишешь статьи о политике или религии — с тобой могут перестать здороваться или разговаривать, потому что здесь это очень важно — что именно ты написал. Как видите, упомянутое Вайлем и Генисом российское уважение к слову мы тоже сохранили. Ведь пишешь о главном в жизни!

Как-то в Реховоте, одном из академических центров Израиля, состоялся концерт совсем, казалось бы, эмигрантского толка: "Вечер русского романса". Пришло шестьсот слушателей, выступило двенадцать исполнителей. А ведущий концерта, доктор химии и доцент университета А. Гольдман, так изложил "крело" организаторов "русского вечера":

"Мы привезли с собой самое ценное, что имели, и его не смогли отобрать таможенники в Шереметьеве и Чопе: мы привезли то, чем мы жили. Знаем, сейчас Израилью не до русских романсов. Здесь инфляция, война, строительство, суета сует... Мы сидим тихо, все мы — русские со своими романсами, аргентинцы с танго, американцы с кантри, румыны со своими песнями. Сидим тихо и ждем каждый со своим товаром, который он привез в эту страну. Мы уверены: рано или поздно здесь заинтересуются — они уже начали интересоваться, пока немного, но рано или поздно, а придут и спросят: что у вас с собой? И тогда мы отдадим им самое ценное, что сюда привезли:

...арбатского романса знакомое шитье...
и женщины рассеянное "здрaсте".

Вот это ощущение, знакомое всем, кто живет в этой стра-

не с удовольствием, я и хотел передать сегодня своим читателям.

Есть хасидская легенда. Еврею из Кракова приснился сон, что под пражским мостом спрятан клад. Он отправился в Прагу, был схвачен стражей и во всем признался. Офицер, допрашивавший его, рассмеялся: ему тоже, оказывается, приснилось, что у какого-то краковского еврея под печкой спрятано сокровище. Вернувшись домой, хасид разобрал печку и нашел клад. Раби Симха Бунем объяснил: клад находится там, где ты стоишь, он в тебе самом. Другой мудрец добавил: но чтобы узнать об этом, нужно съездить в Прагу...

ЕВРЕЙСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВОСУДИЕ

Скучать в нашей стране не приходится: чего-чего, а скуки нет! Возвращаясь из турпоездки в Египет, купил на первой остановке в Израиле газету и — читаю заголовок: "Похороны Левинсона"...

Ничего себе! Четыре дня назад уезжал в Египет, надеясь по возвращении услышать какие-то новости про Левинсона. Тогда еще ничего определенного не было известно. Вернулся, а его уже похоронить успели.

По-моему, дело Левинсона характеризует не только израильскую ментальность, но и еврейское правосудие в его сути.

Яков Левинсон считался финансовым гением блока социалистических партий — Маараха. Именно Левинсон сделал банк "Апоалим", о котором мы рассказывали в первой главе, самым процветающим финансовым учреждением страны. В 1981 году все были уверены, что именно его Шимон Перес назначит своим возможным министром финансов в случае победы на выборах. В самом деле, кто еще мог соперничать с любимцем партии и великим финансистом Левинсоном?

— Растите вместе с нами! Мы — банк "Апоалим"! — неслось ежечасно из глоток всех транзисторов. И банк этот, символ финансовой мощи страны, олицетворялся его управляющим, Яковом Левинсоном.

Но в ходе избирательной кампании Перес выбрал другого кандидата на пост министра финансов. Уязвленный Левинсон решил оставить банк "Апоалим" и перейти в частный бизнес.

А потом поползли слухи, что Левинсон перевел большие суммы, принадлежащие банку, на счета той фирмы, которую собирался возглавить.

Вслед за слухами появились статьи в еженедельнике "Аолам азз", известном своими скандальными разоблачениями. Десять лет назад после статей, опубликованных в этом еженедельнике, покончил самоубийством блестящий молодой министр строительства Авраам Офер.

Комиссия, проверившая деятельность Левинсона в банке, сочла нужным передать свои материалы юридическому советнику правительства (израильский аналог генерального прокурора). Юридический советник правительства решил, в свою очередь, что в данном случае существует возможность (подчеркиваю — в о з м о ж н о с т ь!) злоупотреблений. А раз так, дело необходимо передать следователям полиции. Но полиции не суждено было разобраться, виновен Левинсон или невиновен. В ночь, когда папки с материалами перевозили в полицейское управление, Яков Левинсон застрелился.

В оставленном письме он категорически отрицал свою вину и утверждал, что стал жертвой заговора коллег и завистников, что самоубийство — единственно возможный для него протест против подлой травли.

Почему эта история, в наше время уже ушедшая в прошлое, кажется мне важной для понимания израильской и, более того, еврейской ментальности?

В связи с самоубийством Левинсона редактор "Аолам азз" сказал, что он не жалеет о своих статьях: во-первых, на-

род имеет право знать правду, во-вторых, это дело значительно отличается от дела министра Офера: тот пользовался своим положением, чтобы собирать деньги для своей партии, — ни в чем другом редактор его не обвинял, — на Левинсона же пало подозрение, что он набивал собственный карман.

Прежде — о деле Офера. Помните дело Спиро Агню, вице-президента США при Никсоне? Его тоже обвинили в использовании служебного положения для сбора денег в пользу партии. Разразился скандал, вице-президент ушел в отставку... Но, наверное, и в страшном сне не мерещилось американцам, что из-за такого дела видный общественный деятель способен покончить с собой. В Израиле подобный случай завершился именно самоубийством!

Это сравнение наглядно показывает разницу в общественной температуре двух стран. Не знаю, что виной: темперамент ли наших сограждан, заставляющий их с необыкновенной страстностью принимать к сердцу не только личные дела, а может, малые размеры страны, в которой все на виду и человеку буквально негде укрыться от сплетен... Но, повторяю, там, где в Америке уходят в отставку, в Израиле стреляются.

Насколько я могу судить по официальным публикациям, Левинсон считал себя невиновным и жертвой заговора, потому что не присваивал прямо чужие деньги. Но, видимо, действительно пользовался своим положением — положением руководителя могущественного банка, чтобы обеспечить себе благоприятную ситуацию для последующей частной коммерции. В Штатах директор административно-бюджетного бюро при Картере был обвинен в том, что в бытность директором банка превышал дозволенный банковским клиентам кредит — "овердрафт" — для себя лично. Пришлось уйти в отставку — стреляться он не стал...

Самоубийство Левинсона нанесло болезненный удар партии Труда — партии, в которой он состоял.

Когда-то эта партия, двадцать девять лет бессменно стоявшая у руля правления, провела эксперимент по "чистке

авгиевых конюшен”. Глава правительства Ицхак Рабин, жена которого держала долларовый счет в иностранном банке (тогда это было запрещено законом), вынужден был уйти в отставку. Его соперники и преемники в партии, видимо, надеялись, что борьба за законность и моральные принципы принесет им победу на выборах. Но они проиграли и эти и следующие с треском... Скандал с Рабином долгие годы вредил партии: израильский избиратель инстинктивно не доверял людям, которые во имя законности в маловажном все-таки деле предали товарища. И в чем-то он, израильский избиратель-обыватель, был прав...

То же с Левинсоном. Если бы оказалось, что Левинсон — вор, конечно, население поддержало бы чуткого лидера, не выдвинувшего его в свое время в руководство страной. Но если он просто использовал выгоды завоеванного им положения, то, хотя это и не разрешено законом, но по-человечески понятно, и тогда неожиданно возникает вопрос к обвинителям: да ведь он же был вашим товарищем, как же вы довели его до самоубийства?

В глазах здешнего рядового человека принципы чистой “законности” не перевешивают принцип “товарищества”, — разумеется, если речь идет не о серьезном преступлении.

Хорошо это или плохо — вопрос иной, но такова, по моему ощущению, психология наших сограждан. Это специфическое отношение к преступлению и законности, которое я пробовал описать выше, связано с общим отношением евреев к юридическим проблемам.

Были дни, когда Ришон-ле-Цион “прославился” на весь Израиль. С местного кладбища похитили тело погребенной за несколько месяцев до этого Терезы Ангелович, румынки, десятки лет прожившей в Израиле с мужем-евреем, соблюдавшей еврейские традиции, но формально не перешедшей в иудаизм. Потом тело Терезы Ангелович обнаружили, завернутое в нейлон, на мусульманском кладбище в соседней Рамле...

Виновников кощунства называли сразу: крайние религиозные фанатики, работники похоронного братства "Хевра кадиша", которые давно утверждали, что Тереза — нееврейка и ей не положено лежать на еврейском кладбище.

Осквернители могил встречаются в любых странах, даже в самых цивилизованных. Достаточно напомнить похищение останков Чарли Чаплина в Швейцарии. Но израильтяне с их любовью к драматическим эффектам сделали это событие центральным в политической жизни страны: Кнессет, например, отменил заседание, посвященное обсуждению госбюджета, и занялся делом Терезы Ангелович. Депутаты, включая представителей религиозных партий (один раввин сказал, что это "деяние сумасшедших фанатиков"), довольно единодушно осудили преступление. Осудил его и верховный раввинат страны, полиция отыскивала виновных, суд вынес им строгий приговор, Терезу перезахоронили на старом месте. Тем не менее эта история, как и история Якова Левинсона, заставила меня задуматься об особенностях еврейского права, которое действует в стране наряду с обычным.

Я понимаю, что западному человеку, да и советскому тоже, трудно представить, как может в стране действовать параллельная система судов и законов. По многим искам граждан страны волен обратиться либо в светский суд, либо в религиозный, раввинатский — по собственному выбору. Но по некоторым делам, в первую очередь связанным с браком и разводом, действительным для евреев признается только решение религиозного суда.

Почему в Израиле действует эта странная двойная юриспруденция? В чем отличие еврейского права от принятого в других цивилизованных странах?

Как мне кажется, разница возникла исторически. Еврейское право как специфический кодекс было сформулировано после утраты еврейской государственности. Оно возникло в условиях, когда у власти, осуществлявшей право, не имелось собственных органов принуждения, или попросту, говоря по-русски, не имелось своего участка и своего горо-

дового. Главная сила права, сформулированного нашими мудрецами, заключалась в поддержке его положений давлением морально сплоченной общины. Тот, кто закону не подчинялся, не имел другого выхода, кроме как уйти из общины — во внешний мир, который, в свою очередь, не принимал его к себе, пока человек не отречется от веры предков. В этих условиях особенностью еврейского права стала его тесная связь с тем, что в России называют справедливостью: если бы община не чувствовала справедливости приговора, пусть юридически полностью обоснованного, она не могла бы его морально поддержать.

Прошу понять правильно: я вовсе не идеализирую еврейское право. Я лично не убежден, что право должно опираться на справедливость. Ибо "что такое хорошо и что такое плохо" каждый понимает по-своему, и зависимость права от справедливости делает его зыбким, неустойчивым, спорным. Кстати, фантастическая детализация, "формализм" еврейского права, известный в России как "талмудизм", объясняется мощными усилиями нескольких поколений мудрецов, стремившихся сохранить в праве элемент справедливости и все же сделать его обоснованным, определенным, предусмотреть максимум возможных на практике ситуаций.

Что я конкретно имею в виду?

Известный еврейский религиозный юрист, долгое время бывший членом Верховного суда справедливости (учреждения, пользующегося феноменальным моральным авторитетом в Израиле), приводил следующий пример.

Однажды английские судьи столкнулись с таким казусом. Человек, который должен был отправить в Италию больную дочь на лечение, не имел итальянских лиретт, а в те годы обмен фунтов стерлингов на лиретты был в Англии запрещен. Отец взял у некой авантюристки расписку в том, что она даст его дочери в Италии лиретты в обмен на принадлежавшие ему акции.

Аферистка обманула его: не дала дочери денег (та умерла в нужде) и, кроме того, обратилась с иском в суд, требуя

возврата мнимой ссуды. Суд в иске отказал, но вернуть отцу девушки акции не мог. Ведь с точки зрения обычного права преступниками являлись оба участника сделки, а юридическое правило гласит: правосудие не решает споров между преступниками. Юрист-еврей замечает: безусловно, английские юристы сочувствовали отцу, потерявшему и дочь, и акции, но помочь ему было нельзя: он тоже нарушил закон и не мог рассчитывать на его помощь в восстановлении справедливости. В этом есть холодная, хотя и понятная каждому логика. Но если бы дело рассматривалось в еврейском суде, судьи все-таки вернули бы акции законному владельцу. Потому что в еврейских общинах, лишенных, как правило, своей полиции, не получил бы реальной силы приговор, не отвечающий совести массы населения.

Повторяю, я вовсе не рекламирую еврейское законодательство, а выявляю специфику. В еврейском подходе к правосудию много общего с тем пафосом, который вдохновлял на бунт против обычного права Льва Толстого и Достоевского, а в наши дни вызвал страстные филиппики Солженицына против холодной юриспруденции, унаследованной западным миром от римского права.

Увы, если бы все обстояло так просто.

Возьмем, к примеру, то же злополучное дело Терезы Ангелович.

С одной стороны, несомненная справедливость есть на стороне тех, кого я сам назвал "фанатиками". Представьте, что на кладбище, принадлежавшем обыкновенной православной общине 19-го века, похоронили, к примеру, известного деятеля русской культуры виолончелиста К. Давыдова. Вдруг выясняется, что хотя и сам Давыдов и окружавшие его люди считали его русским, но обряда крещения он не прошел. Несомненно, церковные власти царской России потребовали бы перезахоронения: с точки зрения верующего, это естественное и справедливое требование. Почему бы покойнику не лежать среди единоверцев?

Сомневаюсь, чтобы многие мои читатели сочли подобное

желание фанатичным или принципиально несправедливым. И если бы мусульмане потребовали перезахоронить христианина, погребенного на их кладбище, у них наверняка нашлось бы много сторонников.

Это — справедливость верующих.

Но, с другой стороны, как быть с иным и тоже несомненно религиозным чувством, говорящим нам, что нехорошо, оскорбительно, кощунственно тревожить прах уже погребенных? Как совместить эти две справедливости?

Вот почему "справедливость" в качестве нормы права все же подвергается сомнению, ибо формальное, холодное, одинаковое для всех право все-таки дает норму, связывающую общество, в то время как "справедливое право" нередко разъединяет его на части.

Вечна эта проблема — соотношение закона и справедливости. Разумеется, конфликты возникают в особых, пограничных случаях. Но ведь право и регулирует прежде всего пограничные случаи. Если бы существовали только ситуации очевидные — легко бы жилось судьям на свете...

ЧТО МЫ ПИШЕМ

Недавно я прочитал юмористическое суждение Василия Аксенова: "Нас теперь столько писателей выехало из Союза, что можно основывать целое отделение Союза писателей СССР". Это верно, и потому неудивительно. Куда больше удивляет, когда писатели вырастают прямо на месте.

Черт те что, если вдуматься: люди уехали из России, как бы порвав с русским языком и культурой, законно и справедливо осознали себя евреями, более того, израильтянами, то есть иностранцами для России, и... только в Израиле начали становиться русскими писателями. Иногда русскоязычными, а иногда просто русскими.

Я говорю, конечно, не о бывших профессионалах пера, продолжающих свою работу: их-то поведение вполне нормально. И не о журналистах, которые раскрылись вдруг как прозаики — подобно Якову Цигельману, автору первого антибуржуазного романа в русскоязычной израильской прозе "Убийство на бульваре Бен-Маймон". Хотя тоже парадоксально: литератор навсегда уехал из Советского Союза, чтобы в капиталистическом обществе бичевать буржуазную бездуховность своих земляков, приехавших в "капитализм" из страны победившего "социализма". Яков Цигельман художественно раскрыл нам тот факт, что советские граждане часто пропитаны духом бездуховного эгоизма, который всегда обличали русские писатели прошлого века. В самом деле, на кого хотели походить, как желали смотреться вчерашние "властители дум" СССР? "Догоним и перегоним Соединенные Штаты Америки!" Они хотели жить по-американски!

Разница со Штатами, однако, принципиальная: за океаном собой постоянно недовольны, постоянно себя критикуют, пробуют усовершенствовать, развить свое общество, которое для советских людей стало своеобразным, хотя и недостижимым идеалом. Спросите, почему именно в Штаты, а не в Израиль поехали многие мои сегодняшние читатели? Потому что с ранних лет им косвенно внушали, что идеальная жизнь для толкового человека на нашей планете — в Соединенных Штатах Америки. Этот идеал самого капиталистического общества на земле незримо пронизывает духовную атмосферу "самого социалистического общества".

Об этом и пишет в своем романе Яков Цигельман, но, повторяю, он был пишущим человеком и в Союзе, здесь только жанр поменял, углубил, это — естественный процесс развития.

Не удивляет меня и эволюция тех авторов, которые в Союзе не считались литераторами-профессионалами, но работали в самиздате, вроде Ю. Милославского, получившего известность (правда, немного скандальную) повестью "Укрепленные города": в конце концов, если талантливый чело-

век начал писать еще в России, и нашлись читатели, которые перепечатывали на машинках или переписывали от руки его рассказы или стихи, то, конечно, он являлся писателем еще там — до всякого официального признания.

Естественным смотрится и процесс появления здесь мемуарных книг: о своей жизни каждый человек может написать одну интересную книгу, если Бог дал повествовательные способности и вдобавок жизнь получилась интересная. Так появились "Жизнь в Кремле" Л. Шатуновской, вдовы старого большевика и видного партдеятеля 20-х — 30-х гг.; "История одной семьи" матери и дочери Улановских, чей муж и отец был резидентом советской разведки в Китае, США, Скандинавии; "Виденное и пережитое" бывшего профессора ЛенГУ Н. Полетики и много других книг. Повторяю, это не удивительно, процесс идет, как то и должно быть.

Что меня поражает — появление школы настоящих прозаиков, выросших уже здесь, в Израиле. Начало положил, кажется, Лев Ларский, автор "Мемуаров ротного придурка". Ларский был в Москве известным художником-графиком, и почти все русские журналы, возникавшие в Израиле в 70-е годы, привлекали его к сотрудничеству: нужен был человек, хорошо знающий полиграфический процесс. Так Ларский попал на работу в новый тогда ежемесячный толстый журнал "Время и мы". Его юмористические зарисовки войны заинтересовали редактора, и тот буквально заставил художника писать.

Я вспомнил о его книге, прочитав интервью Булата Окуджавы одному венгерскому журналу. В ответ на неосторожное выражение интервьюера "Великая Отечественная война" Окуджава вдруг разразился давно наболевшей филиппикой: "Война не может быть великой. Велик народ и его дела, а война — мерзость; это была ужасная война, грязная война, она ожесточила наши души..."

У многих участников войны, видимо, осталось то же ощущение, и сколько ни внушали им, что то были самые славные годы их жизни, именно их поколение первым запело:

”Ах, война, что ты сделала, подлая...” Среди них был и рядовой Ларский. Советская армия под его пером предстает, конечно, ”односторонне” изображенной, читатель не найдет в книге ответа на вопрос, как такая армия могла победить... Он — писатель, а не историк, и открывает память своей души, а там пусть уж читатель сам сопереживает или не сопереживает... Ларский вспоминает безжалостное отношение к солдатским жизням, и непрерывный голод на фронте, и особистов, опутавших фронтовиков, и поголовную мобилизацию в партию на передовой всех, ”исключая заболевших сифилисом”, и оставшийся никем не описанным ”бандеровский фронт”, на котором, оказывается, воевало больше солдат, чем на Курской дуге, и подвиг Матросова (художник пришел на помощь писателю, и появилась иллюстрация: семь солдат закрывают задами амбразуру — именно столько их нужно, чтоб закрыть ее по-матросовски) ...

Юмористическое описание, тон мягкой, извиняющейся шуточки сделали повествование популярным и... внешне несерьезным. А ведь иногда Ларский сообщает важную, особенно для историков, информацию. Меня, например, заинтересовал рассказ о его дяде, видном аппаратчике наркомата обороны, который еще до гибели в лагерной больнице успел сказать родным: ”Меня оклеветал Туполев”. Вспомнился эпизод из мемуаров Хрущева, когда великий авиаконструктор просил у генсека уничтожить папку с его делом в архиве КГБ. Мол, стыдно, что хоть и в архиве, а все еще числится преступником... Может, ему не этого приходилось стыдиться?

Я вовсе не хочу бросить камень в память Туполева: кто знает, как сложилось там дело, на допросах, и не был ли, в свою очередь, обманут следователями дядя Ларского, — никогда не нужно обвинять человека раньше, чем выслушаешь его самого. Просто напоминаю, сколько в юмористической книге Ларского скрыто важной информации. Только в ней я прочитал, что генерал А. Власов был одно время начальником разведупра генштаба; только там появилось развернутое описание бегства жителей из оставленной врагу Москвы

16 октября 1941 года: до Ларского писали, что творилось в колоннах беглецов, и только он нарисовал, что происходило среди тех, кто оставался, — как раздавали получку, как разбирали магазины, как выпивали по случаю внезапной "дармовщинки"...

Книга Ларского далеко увела меня от израильской темы, но я заранее решил свободно говорить с читателем, и если хочется что-то сказать, не обрывать себя!

Вы когда-нибудь слыхали фамилию Кирилла Тынтарева? Я — впервые. Его рассказы "Эрез Фархи и его сестра Лior" я прочел одновременно с циклом рассказов одного из самых знаменитых израильских писателей — Ханوخ Левина, почти здешнего классика. На мой вкус (а все-таки я всю жизнь пробовал себя в литературной критике) Тынтарев пишет несколько не хуже — лгу, на мой вкус, он пишет интереснее Хануха Левина. Свой мир, свои темы, свои персонажи, свой стиль! Его мир находится в той точке плоскости, где человек западной ментальности сталкивается с людьми ментальности восточной — и не где-то вообще, а в условиях Израиля, где эти "восточники" связаны с ним общими историческими корнями и общей судьбой. Где его отталкивают и к нему тянутся. Где все ему непонятно, но, пользуясь заголовком старой книги о квантовой механике, этот странный мир неизбежен для него, потому что он его строит, он в нем существует, он за него воюет и — должен выйти историческим победителем. Этот новый израильский писатель вырос на почве русской прозы, "из шинели Михаила Булгакова", и мистическое настроение создателя Ерушалаима и Мастера, кажется, витает вокруг письменного стола в Израиле.

Известно ли вам имя Бориса Полякова? Это не израильский, а совсем русский, ленинградский автор. Когда читаешь его повесть "Автопортрет с Юлей", вспоминается свойство той, прежней жизни, здесь забытое: какое-то натуральное пренебрежение к человеческой отдельной судьбе, к отдельной жизни. Обыкновенные советские парни и девушки калечат себе и другим судьбы легко, без трагизма, без вся-

кого ощущения непоправимости совершающегося. Даже их человечность невольно оборачивается бессердечием, и что особенно бросается в глаза — легкость, с которой персонажи прощают друг другу поломанные судьбы, да вроде бы даже не очень чувствуют, насколько они поломаны!

Еще одно новое имя — Давид Таксер. В 34-м номере "22" напечатан очерк — ливанские впечатления. Цепкий глаз недавнего россиянина заметил в этой стране очень важные и неожиданные вещи, которые, возможно, политики пропустили. Вот цитата — для примера:

"Вот те на! Столько слышал о Ливане как о ближневосточной Швейцарии, а за колючим забором, сколько глаза хватает, всхолмленная каменистая пустошь. Голые, пыльные, плоскокрышие деревеньки, на фоне которых ухоженная Метула за спиной вырастает последним оплотом цивилизации. Кажется, что забором границы обнесли природную среду обитания, а не сотворили ее еврейскими руками. По южную сторону границы — сады и ухоженные поля, по северную — камни и верблюжья колючка.

Я не квасной патриот, самокритиканство у меня в крови, как у каждого "русского", и еврейского скепсиса предостаточно. Но ей же Богу! Поезжайте к границе. Собственными глазами увидите, что птицы за Метулу не летают. По ту сторону и стар и млад с ружьем. Если хоть малая пичуга по неопытности нарушит границу, десятки стволов изрыгнут огонь. При этом аборигены не то чтобы голодны, а патрон — в цену курицы, отсутствием которых ливанские лавки не страдают. Такое развлечение".

Читая этот очерк, я вспомнил эпизод из романа Г. Свирского "Прорыв". Один из его персонажей сказал: мол, форсирование Суэцкого канала в войну Судного дня дивизиями Адана и Шарона увенчалось успехом лишь потому, что египтяне не решились атаковать тот жуткий бардак, который творился на переправе. Свирского за это замечание вдрызг изругали здешние ревнители чести израильского оружия. И хотя мне самому роман тоже не понравился своей

легковесностью, но... Вот что пишет уже про другую войну и уже не эмигрант, а израильтянин Давид Таксер: "Опасная безалаберность — в хаосе, царящем перед пограничными воротами... Колонны вытягиваются на километры и ждут, пока неопытные девочки-солдатки выпишут офицерам пропуска. Я еще помню излюбленные места бомбежек второй мировой войны... Разве здесь нельзя принять меры? Без них в случае военного конфликта противнику запросто накрыть эту кашу авиацией и ракетами. Да и террористам-одиночкам здесь раздолье".

Как прочно въелся в кости ветеранов страх перед авиацией на переправах! Конечно, беспечность израильтян зиждется на противоположном, чем у них, боевом опыте, при котором авиация противника не смеет высунуть носа за пределы действия своих ракет ПВО. Не по глупости, а из страха перед подавляющим превосходством израильских ВВС египетская авиация не долбанула переправы в 1973 году. Но, ей-Богу, предупреждения Свирского и Таксера мне дороже и важнее, чем защита нашей боевой репутации со стороны ура-патриотов. Мало ли какой "панчер" (прокол) может получиться в будущем! Хватит, пострадали от средиземноморской беспечности! Пусть лучше сегодня нас обругают на бумаге, чтобы были в большой готовности на поле боя.

Словом, Таксера я читаю не только с удовольствием, но и с пользой. Вы, кстати, заметили, что весь этот перечень незнакомых фамилий я беру из оглавления лишь одного номера "22", из номера 34-го. И это не обзор номера, отнюдь. Если бы я хотел говорить, что мне самому больше всего нравится, то начал бы со статьи А. Воронеля о книге ливанских репортажей Вл. Лазариса: тот взял на фронте 22 интервью у "русских новобранцев" Армии Обороны Израиля, впервые попавших на войну. Но оба они относятся к "маститым", а я перечислял только начинающих, ростки, и только в одном номере.

А, скажем, в 32-м номере была, на мой взгляд, отличная повесть Юлии Винер "Соломон Исакович" в жанре... как бы

его определить... социально-фантастическом. Любопытно, что лучше всего в "русских" повестях удаются авторам не еврейские, а русские образы: с любовным вниманием к их бедам, комплексам, претензиям. Таковы у Ю. Винер врача-психиатр и незабываемый милиционер. А рядом с Винер помещены тонкие, даже нежные стилистически рассказы С. Шенбрунн, один из которых начинается хрестоматийной пушкинской фразой: "Я приближался к месту моего назначения", и весь стиль Шенбрунн идет от прозы Пушкина, и мироощущение тоже, а вот сюжет — об уходе рано утром молодого солдата в Армию Обороны Израиля. Такие вот гибриды вырастают из русских семян на каменистой израильской почве.

Случаен ли этот стихийный процесс? Может быть, его истоки коренятся в том мире, откуда мы приехали? Самая острая, жизненная там нужда — обратное вочеловечивание народа, столь долго лишенного Бога, а потому — и образа Божьего, то есть, человеческого. Но вочеловечивание под силу не политике, а именно литературе и искусству. Раскрепощаемое сознание народа и воплощает его на свободном пространстве Земли.

НЕМНОГО О КОММУНИЗМЕ

Началось это в 1911 году на берегу Тивериадского (оно же Геннисаретское, оно же Кинерет) озера, того самого, где по воде ходили, яко по суху, а на берегу том самом кормили пять тысяч человек пятью хлебами... Короче, в том месте, где издавна совершали чудеса.

Десять парней и две девушки из украинского городка Ромны из-за чего-то поссорились с управляющим фермой "Кинерет", и шеф поселенческого движения в Стране Израиля д-р Артур Руппин принял смелое решение: ах, вы не хотите работать под контролем, молодые люди? Вас не устраи-

вают наши условия? Пожалуйста! Получите в свое распоряжение вот этот кусок купленной Еврейским Агентством земли и живите далее, как считаете нужным. Покажите-ка нам свою модель хозяйства, молодежь...

Чтобы понять, что именно могли сотворить эти двенадцать разгневанных мужчин и девушек, посмотрим, какими они тогда были.

Приехали они из Российской империи и пропитаны были "современной" русской культурой. А это значило: они знали априори, что народ есть хранитель высших моральных и социальных ценностей, которые выработало человечество; народ, он же, конечно, богоносец. Во-вторых, знали, что самый благородный труд есть труд простого народа, то есть физический. А из отраслей физического труда самый благородный — сельскохозяйственный, или, как тогда говорили, крестьянский. В-третьих, они знали, что использовать чужой труд, даже для блага производства, — это есть позорная эксплуатация народа, кулачество и лихоимство. В-четвертых — что человек по природе добр и морален, а все зло идет от несправедливого общественного устройства: позвольте простому труженику жить по законам его совести — и настанет рай на земле. Так предсказал Ж.-Ж. Руссо и повторил за ним их отечественный властитель дум — Лев Толстой.

Из всего этого следовало, что молодые люди стали совместно работать на земле, совместно жить и делить трапезу и вообще по-братски делить все: любой труд, любые доходы от этого труда и любые проблемы управления общим хозяйством. Они и детей воспитывали совместно, в таком же коллективе, каким жили сами. И прочее, и прочее. Короче, они создали на берегу Тивериадского озера коллектив, который на практике осуществлял старинный лозунг коммунистов мира сего: "От каждого по способностям, каждому по потребностям", добавив в него лишь порожденное их нищей действительностью придаточное предложение — "настолько, насколько в силах эти потребности удовлетворять наш коллектив" ("коллектив" можно перевести на иврит как "ки-

буц"; пройдет несколько лет, и их коммуны в Израиле назовут этим словом — "кибуц").

...А теперь перенесемся в наше время, к простым советским людям, вроде меня самого, и посмотрим, как они ко всему этому могут относиться.

По-моему, каждый советский человек думает, что сельскохозяйственный кризис в СССР, при котором богатейшая по природным условиям на земном шаре держава ввозит хлеб из США, масло из Дании, мясо из Австралии, лук с Кубы, картошку из Польши и яйца из Финляндии — этот кризис порожден колхозами. Вот работали бы люди "на себя", и все было бы в России в порядке.

Мне и самому так казалось, хотя, отдыхая иногда летом в Литве, я встречал множество гостей из соседней Польши, и ситуация с продуктами там, за кордоном СССР, была почти советская, а никаких колхозов уже двадцать лет как не было и сельское хозяйство оставалось в Польше частным. Но несостоятельность советских колхозов казалась мне настолько очевидной, что впустить в собственное сознание мысль об очевидной несостоятельности польских частных фермеров я просто отказывался.

Прибыв в Израиль, я уже знал об успехах и образе жизни израильских кибуцов: через самиздат достал главу из книги какого-то польского писателя как раз о кибуцах. Поэтому с удовольствием посмотрел в первые месяцы в стране отличные кибуцные плантации и превосходные фермы, промурлыкав на известный мотив новые слова: "еврейское по-оле" — что скрывать, мое национальное самолюбие приятно щекоталось при виде этого экзотического феномена! Но по-настоящему я стал думать о еврейском поле значительно позже, когда познакомился с местной статистикой.

Здесь опять предстоит оговорить одно обстоятельство, отвлекающее меня от сюжета — что поделаешь, когда представляю себе российского читателя, того самого, каким я сам был несколько лет назад, приходится все время оговаривать для его пользы общеизвестные у нас вещи, о которых

у него, россиянина, существуют совершенно превратные представления.

Обстоятельство это заключается в том, что, по моим наблюдениям, никакого капиталистического общества на современном Западе вот уже полвека не существует. Все, что по этому поводу пишут, — либо неправда, либо искреннее заблуждение советских авторов, побывавших (или еще не успевших побывать) на Западе.

Начиная с 20-х—40-х годов 20-го века (в разных странах по-разному), в бывшем капиталистическом мире (а он на самом деле некогда существовал и — вполне допускаю — был тогда несколько похож на тот, каким его изображали Маркс, Энгельс, Ленин), так вот, с 20-х — 40-х годов на Западе возникло общество, которое следует называть по-новому: обществом смешанной экономики. От классического капитализма в нем сохранились рыночная система экономических отношений, то есть понятия цены, прибыли, конкуренции и проч., ибо, в отличие от Маркса, лидеры экономики западного мира считали, что эти понятия есть не исторически преходящие категории, которые возникли с концом первобытно-общинного коммунизма и исчезнут с наступлением настоящего коммунизма, а логически неизбежные категории *любого* вида развитого хозяйства, в том числе социалистического. Поэтому от рыночных отношений никто на Западе отказываться не стал. Новое же и по существу глубоко революционное изменение, наступившее в экономической сфере западной цивилизации, заключалось в том, что собственниками и конкурентами на этом рынке стали выступать не только капиталисты, но и государственные предприятия и фирмы, принадлежавшие общественным организациям (профсоюзам и т. д.). Эта новая ситуация коренным образом изменила рынки труда и капитала, потому что, помимо чисто рыночных, возникли в обществе и дополнительные социальные мотивации для экономических действий, которые в него вносили государственные и общественные фирмы.

Зачем я обо всем этом рассказываю? Дело в том, что на

израильском сельскохозяйственном рынке, о котором пойдет речь в этой главе, тоже действуют различные и часто разнонаправленные силы. Первая, конечно, импортеры продовольствия. В наших супермаркетах вы можете найти продукты из всех стран мира: чай из Англии, кофе из Бразилии, варенье из Румынии, водку из СССР и т. п. Так чем же мы отличаемся от СССР? Вот чем: в среднем сумма продовольственного импорта в Израиле примерно равна сумме его продовольственного экспорта — в Германии я видел своими глазами израильские цветы, в Англии — израильские фрукты, в США — израильские овощи. А на языке экономистов этот баланс означает следующее: страна сама себя кормит.

Кто же нас кормит? Кормят три внутренние производительные земледельческие силы: кибуцы, мошавы и частные фермы.

Кибуцы — попросту коммуны: полное отсутствие любой частной собственности, коллективистский труд, коллективное потребление продуктов общего труда, совместное воспитание детей — словом, коммуна именно такая, какой мы ее себе представляли в России!

Мошавы (что значит буквально, видимо, "села" — от глагола "селиться") — это то, что в России некогда называли ТОЗами, Товариществами по совместной обработке земли. Каждый житель такого поселения имеет собственное хозяйство, но пользуется общественными машинами и иной техникой, закупленной совместно селом, а сбывает продукты своего труда тоже оптом — через сельский кооператив.

И наконец, есть у нас и нормальное частное фермерское хозяйство.

Я уже писал выше об общих итогах кибуцного хозяйства: здесь дам эти же итоги, но в сопоставлении с итогами конкурентов. Итак, коллективные хозяйства, то есть кибуцы и мошавы, вместе владеют примерно 70 процентами пахотной земли и 74 процентами основных фондов. Они производят 78 процентов сельскохозяйственной продукции страны и получают 77 процентов валового дохода. Таким обра-

зом, коллективные хозяйства в среднем оказались значительно более доходными, чем частные!

Более того, если сравнить цифры уже внутри самого коллективного сектора, то выяснится, что кибуцы владеют в нем только 26,9 процентами основных фондов, а производят 39,1 процент сельскохозяйственной продукции и получают 42 процента валового дохода в сельском хозяйстве. То есть в среднем кибуцное хозяйство несколько доходнее, чем мошавное. Таким образом, если ограничиться только цифрами, то именно кибуцы — коммуны — оказываются самыми экономически доходными формами здешнего сельского хозяйства. Согласитесь, подобный вывод для советского человека, каким я был, казался совершенно шоковым, ломающим все сложившиеся за мою сознательную жизнь социально-психологические стереотипы. Но не верить цифрам я тоже не мог — никто в их фальсификации не был заинтересован: скорее наоборот, хозяйства здесь заинтересованы *прикрыть* свои доходы, чтобы поменьше платить налогов и выпрашивать ссуды на более льготных условиях...

Опять же, с точки зрения привычной логики, раз кибуцы дают лучшую производительность труда, так и давай, братцы, поощрять эту форму в земледелии, а частные хозяйства, как менее перспективные — прикроем?

И тут мы приходим к выводу мировоззренческому — выводу, который подготавливает наше сознание к переходу от привычных тоталитарных норм к здешним, плюралистическим.

Если, оказывается, не орудовать только цифрами, а присмотреться по существу дела, то выяснится, что конкуренты на продовольственном рынке не только конкурируют, но они же *сосуществуют*, дополняя и помогая друг другу.

Кибуцы хороши там, где земля требует масштабных вложений, использования сложной техники и — риска! Банановые плантации — тут кибуцы вне конкуренции. Рыбные садки — тоже кибуцная сфера. Хлопок — тут кибуцы почти монополисты. Ничего из этих культур раньше в Израиле не рос-

ло. Надо было внедрить авокадо, манго, еще какие-то экзотические тропические или дальневосточные фрукты — кибуцы были первые. Урожай пшеницы на кибуцных полях — 45 — 50 центнеров с гектара; удой коровы на кибуцной ферме — 7000 литров (иногда 8000) с коровы. Но когда понадобилось разводить овощи или фрукты, которые требуют ручного, индивидуального труда — тут кибуцы пасуют. Апельсины, например, выращивают по преимуществу мошавы. Да и вообще столь популярные в мире израильские цитрусовые кибуцы переуступили конкурентам (как и арахис). Или такую выгоднейшую экспортную культуру, как цветы — вся Европа их покупает — ими тоже заняты у нас мошавы и частники!

...Некогда социологи, экономисты, философы спорили о принципах создания израильского сельского хозяйства. Сторонники кибуцов, как вы помните, считали, что человек по природе добр и морален: поместите-ка его в добродетельный коллектив, защитите от несправедливостей, эксплуатации, обмана, дайте ему доброе и нравственное воспитание — и он ответит вам чудесами в труде. Другие страстно возражали им; Франц Оппенгеймер, например, предупреждал об ужасных последствиях коммуны! Это все нежизнеспособно, говорил он, ибо люди работают, только если у них есть личная заинтересованность, личные стимулы в работе. Без прибыли, без зарплаты коммунары попадут во власть лодырей, недобросовестных тунеядцев, которые станут паразитировать на шее честных работников. Он предлагал взамен новые идеи, понимая, что нормальному частному хозяйству трудно будет развиваться в стране, где не хватает капиталов для вкладывания в современную сельскую технологию, где приходилось хозяйствовать с винтовкой в руке, обороняя свое село — из его-то идей и родился мошав. Ну и, конечно, всегда жили на земле люди, которые не желали хозяйствовать ни с кем в компании — только своим двором. Прошли годы — и кто же из троих оказался прав? Самый поразительный ответ: правы были *все*. Человек не равен человеку: есть лю-

ди, которые более всего ценят в жизни надежность, защищенность от враждебных перемен, им-то и нужен кибуц, в котором они всегда обеспечены всем, что потребно человеку для нормальной красивой жизни — не только едой и жильем, не только наилучшим воспитанием и образованием для своих детей, но и чувством сопричастности к жизни коллектива, атмосферой уважения, какой окружены в стране пионеры национального дела, гордой независимостью участников мощного, влиятельного движения. Есть другие люди — они куда выше ценят личную независимость и инициативу; есть третьи, для которых без риска и непрерывной игры с соперниками в частном бизнесе нет сладости существования. И группы любого психологического типа подыскивали себе наиболее подходящую экономическую нишу. Да, доходу кибуцов несколько выше на единицу труда, чем у частников или мошавников, но заставьте-ка их выполнять ту работу, которую делают фермеры, и они наверняка исполнят ее хуже и бездарнее, чем те частники, что делают ее сейчас.

Тем и хорош наш мир, что он разнообразен, плюралистичен, что каждый может найти в нем себе место, соответствующее его натуре — если только ему не будут мешать. А попытка насильно загнать всех людей в ту социальную ячейку, которая в некоей теории выглядит более выгодной, оборачивается на деле крахом. Ведь и после "размежевания" общества по разным системам хозяйств процесс перетасовки людей в нем продолжается — в каждом новом поколении: с одной стороны, течет ручеек тех, которые в наш индивидуалистический век хотят жить коммуной, и они-то и тянутся в кибуцы. А с другой, именно воспитанники кибуцов, мальчики и девочки, которые, казалось, с пеленок выросли в теплой атмосфере коллектива, вдруг оставляют родной дом — и даже страну (говорят, самые удачливые и самые предприимчивые среди частных экс-израильских предпринимателей, переселившихся куда-то в Лос-Анджелес, — это и есть бывшие кибуцные дети). Сколько трагедий, сколько стыда и горя связано здесь с этими расколотыми семьями — но что поде-

лаешь: человек действительно не равен человеку, и "вольтерьянцы напрасно против этого возражают"... А сколько удачливых капиталистов и менеджеров крупнейших фирм в самом Израиле уже вышло из среды кибуцников! А в это же время, случается, дети потомственных капиталистов уходят в коммунары...

Это разнообразие форм, придающее устойчивость экономике, вопреки предвидениям догматиков — что коммунизма, что капитализма, — проявляется не только в сельском хозяйстве. Вот, например, выходцы из России любят ворчать на "Хеврат овдим" и прочие предприятия так называемого общественного сектора, то есть заводы и фабрики, принадлежащие профсоюзам. И на первый взгляд в их ворчании логика есть. В самом деле, какая же это нелепость: профсоюз считается организацией, защищающей рабочих, и он же становится их хозяином, то есть эксплуататором! "Ликвидировать это все, отобрать заводы у Гистадрута!" — не раз я слышал от наших "русских" решительных знатоков и специалистов по решению всех сложных проблем. Им даже не приходило в голову, насколько собственная их позиция выглядит нелепо-противоречивой: ведь профсоюзам их заводы и фабрики никто не дарил, это их законная частная собственность, основанная, выпестованная, выращенная ими, и вот появляются поклонники капитализма из СССР и во имя хозяйственного прогресса предлагают совершить октябрьскую революцию в Израиле — отобрать собственность у законных хозяев во имя прогресса и правильной, по их представлению, социальной схемы...

На самом деле, в специфических условиях Израиля, где всегда не хватало капиталов, хозяйственного умения, профсоюзные предприятия были необходимы. Какой частник возьмется строить предприятия в новых районах, где поселили свеженьких репатриантов, например? Какой частник пойдет на риск того, что первые годы, возможно, будет нести убытки, пока неопытные работники войдут в новое производство? Только профсоюзы, этот приводной ремень для полити-

ческого руководства страны, на протяжении долгих десятилетий брали на себя риск социальных и хозяйственных экспериментов в новых отраслях, в новых районах и с новыми людьми.

А с другой стороны — есть ведь и большая, сермяжная и кондовая правда в воркотне наших поклонников капитализма! Потому что, конечно, все известные пороки социалистического хозяйствования действуют и на соцпредприятиях Израиля. А как же иначе! Бюрократизм, неповоротливость, излишние рабочие руки ("скрытая безработица"), и конечно же, профсоюзу трудно быть достаточно безжалостным хозяином, как того, увы, очень часто требует экономическая необходимость в реальном производстве!

И тут опять мы сталкиваемся с преимуществами, говоря по-советски, многоукладной системы. Потому что если профсоюзные менеджеры не проявят нужной смекалки или нужной жесткости у себя на производстве, они не выстоят в конкуренции с частными фирмами. Только что мы, израильтяне, были свидетелями грандиозного кризиса на самом крупном концерне, принадлежащем профсоюзам в Израиле, могущественном и прославленном "Куре". Оказалось, там увлеклись социальной благотворительностью, платили огромные, в три раза превышающие обычные в Израиле компенсации работникам, которых увольняли (обычно уволенному платится месячная зарплата в награду за каждый проработанный в фирме год, а "Кур" платил три месячные зарплаты), и так далее — и "Кур" едва не разорился, несмотря на прекрасный портфель заказов и отлично налаженное производство. Но капитализм, он ведь не дает успокаиваться социализму, и пришлось-таки "Куру" по требованию своих кредиторов, частных банков, наводить в хозяйстве неизбежный порядок.

Разумеется, реальная картина — что в сельском хозяйстве, что в промышленности — далека от идиллии взаимной поддержки на основе разделения сфер рынков и конкуренции. Нет, идет непрерывная борьба, идет постоянный поиск в борьбе за существование, поиск шансов и возможностей

— и проигравший плачет. Это так. Каждый владелец, что частник, что коммуна, что профсоюз, что государство должны все время искать оптимальный режим для своей работы в постоянно меняющемся мире. Вот конкретный и тоже недавний пример: наши кибуцы могли бы в теории производить намного больше сельхозпродукции, чем происходит в жизни — но для нее здесь нет рынка. Населения относительно немного, и в Европу лишнего не вывезешь — что можно, уж все вывозят! Куда девать избыток кибуцных рабочих рук? Вот и решили открывать фабрики и заводы. Тем более, в кибуцах много стариков, которым в поле уже трудновато работать, а в цеху они с удовольствием проведут время, испытывая радость нужности своего труда и своей жизни почти до самого конца (разумеется, условия для них льготные). Да и молодежь в кибуцах сплошь с высшим образованием, тоже предпочитает промышленный труд. Сотни заводов и фабрик, принадлежащих кибуцам, уже выросли за сорок лет на нашей земле. Но вот проблема: а как быть, если нет у кибуца нужных специалистов? Пришлось их нанимать. А начав нанимать, сами не заметили, как превратились в начальников, в хозяйчиков — люди есть люди, хоть в кибуце, хоть где. И пришлось мучительно избавляться от наемного аппендикса, а как ты от него легко избавишься — ведь кибуцная фабрика, конечно, должна удовлетворять многим условиям, она должна устраивать членов кибуца, она должна нравиться их старикам и детям, на нее со вниманием должны смотреть кибуцные женщины, и прочее, и прочее — но самое-то главное, она, как и любая *некибуцная* фабрика, должна вырабатывать товары по такой цене, чтобы это было выгодно, чтобы частник ее не опередил! А попробуй это сделать, если ты ограничен в праве нанять нужного человека. Вот и крутись! Да еще вдобавок возникла инфляция, да еще в банках повысили процент на ссуды, и плюс — как в условиях инфляции сохранить постоянно теряющие ценность доходы? Кибуцники доверили свои сбережения знаменитому биржевому дельцу, а он, кажется, оказался аферюгой, и они потеря-

ли деньги и стали просить у правительства ссуды на покрытие потерь, и уж как тут позлорадствовали наши враги социализма. "А, братцы-коммунары, спекуляцией биржевой занялись!" Я же, по правде говоря, с удовлетворением наблюдал именно за злорадствующими: ведь это значило, по моему, что на самом деле они считают кибуцников не такими людьми, как мы все, прочие, грешные — кибуцникам как бы не позволено заниматься тем, чем увлекаются нормальные израильтяне. И потому на их разорение смотрят не как на обычное несчастье, а как на определенное моральное падение! Это значит, что они действительно вносят некую особую, духовную норму в наше общество и дают ему свою и, по моему, очень нужную окраску. Но кроме того, этим примером я хотел показать, как сложна жизнь, как запутаны наши проблемы — но в этой-то запутанности и сложности таится, так это видится мне сегодня, необыкновенная устойчивость здешнего общества перед лицом любых жизненных катастроф. В разнообразии и многовариантности наша сила, и прежде чем предлагать нам простые и очевидные схемы (на что большие мастера и любители наши с вами земляки из России), подумайте, что в здешнем мире живут люди не глупее нас с вами, и если они пробуют, если испытывают такое количество новых общественных вариантов, то, может быть, не потому, что не видят в упор наших простых советских рецептов, как им "правильно жить".

И последнее по счету, не по важности: перед кибуцами встала та же проблема, что перед любым коммунистическим обществом: как избежать возникновения сословия управляющих ("номенклатуры"). Ее появление не есть следствие некоего "зла", "эксплуататоров", сидящих на шее народа — увы, оно социально обусловлено: управление современным хозяйством — это сложная профессия, требующая специфических знаний, опыта, способностей. С другой стороны, сословие управляющих неизбежно встает над коллективом, нарушается то самое равенство, ради которого весь коммунистический огород городят... Кибуцники решили, что лишь

жизненный опыт докажет, можно ли избежать деления общества на классы — и они стали регулярно менять своих управителей (это называется ротацией). Не убеждайте их, что такое вредно для хозяйства — они это знают. Но вот вам парадокс: прошли десятки лет, и кибуцы практически не знают неудач с ротацией своих менеджеров. Как-то так получается в жизни, что можно, оказывается, обойтись и без класса управителей-профессионалов... Согласитесь, один подобный социальный опыт, давший положительный эффект, стоит немало.

Израильтяне гордятся своим сельским хозяйством вообще и своими кибуцами особенно. Знаю, что у обожравшихся пропагандой сельхозуспехов моих советских читателей эти строки вызовут саркастическую усмешку. Что поделать, им придется привыкать к тому, что авторы пишут то, что нравится самим им, а не предполагаемым читателям.

РУССКАЯ ПРЕССА

Любопытный и поучительный феномен — русская пресса в Израиле.

Казалось бы, живет в стране примерно полтора-два тысяч русскоязычных читателей, то есть население приличного райцентра по советским-то масштабам. На самом деле их, конечно, еще меньше: во-первых, в эти полтора-два тысяч зачисляются дети, говорящих здесь преимущественно на "молодежном сленге", то есть на иврите (мои собственные дочери сниходят к родителям до русского языка, но между собой — *как иврит* — только иврит!). Во-вторых, из этих полутора-два тысяч минимум десятки тысяч даже в СССР говорили между собой не по-русски, а на грузинском, фарси, литовском... Последнему случаю, кстати, мое семейство обязано большой удачей: жена согласилась взять русскоязычную ученицу, а на

уроке выяснилось, что дома она с родителями говорит литовски, думая, что это и есть русский язык — и пришлось жене переходить в работе на иврит, который она знала все-таки лучше литовского — с этого началась ее трудовая биография в Израиле. Это, конечно, шутка, которая просто призвана напомнить, как относительно мало у нас тут "читательской массы".

А теперь посчитаем, сколько на нее, эту "массу", приходится русскоязычных изданий.

Газеты, правда, еженедельные, типа советской "Недели": социалистическая "Наша страна", левоцентристская "Панорама" и центристский "Спутник".

Еженедельники-журналы типа "Огонька": "Круг" (с явным креном вправо) и "Алеф" — с креном в религию.

Ежемесячные тонкие журналы типа "Смены" или "Нового времени": "Панорама Израиля" (официоз, потому подчеркнуто объективен), "Возрождение" и "Направление" (религиозные журналы разных направлений в иудаизме); лево-социалистический "Форум"; два дайджеста, то есть журналы перепечаток из других изданий: "Обзор" и очень популярное "Зеркало".

Толстые литературно-художественные и общественно-политические издания: двухмесячник "22" (профиля, скажем, "Знамени" или "Нового мира") и неперiodически выходящий альманах "Народ и земля", по жанру напоминающий московскую "Иностранную литературу".

Плюс к этому идет в страну поток советской и русской зарубежной прессы, в последней по преимуществу "Русская мысль", "Континент" и "Время и мы".

Не буду перечислять русскоязычные издательства, поскольку многие из них возникают и исчезают, как бабочки-однодневки (издательство приключенческой литературы "Три богатыря", ау, где ты? Издательство экспериментальной русской прозы "Черная курица" — ау, где ты?). Скажу лишь, что одних "Тарбутов" ("Культур") есть два (в Иерусалиме и Тель-Авиве); религиозных издательств тоже два,

хотя оба в Иерусалиме ("Амана" и "Шамир"); даже в новом городке на контролируемых территориях, в Гиват-Зеэве, действует русскоязычное издательство под названием "Кахоль-Лаван". А я ведь не знаю, какие конторы издательского типа работают вдали, скажем, в Хайфе или Беэр-Шеве! Все это, напоминая, предназначено для читателей, которых тут меньше, чем в Калуге или Череповце.

Такое количество журналов, газет, издательств объясняется, кроме всего, особенностью современного западного образа жизни: каждому человеку здесь дается шанс реализовать его природный потенциал. Один шанс, конечно, а не много шансов... Немало людей, приехавших из Союза — физиков и врачей, химиков и инженеров, переводчиков — втайне надеялись, что у них имеется талант к журналистике или к писательству и попытались профессионально заняться этим делом. Разумеется, подавляющее большинство прогорело: их амбиции были порождены амбициями, а не талантами, тем не менее, каждый, кто готов был жертвовать собой, получил свой шанс. Но вокруг этого, часто кратковременного "дела" возникали новые рабочие места для приехавших профессионалов-гуманитариев: многие из них начали свой трудовой путь в подобной маленькой редакции — из двух, максимум трех сотрудников. Кстати, это — еще одно здешнее чудо для человека, привыкшего к советской действительности: издательство в составе двух, скажем, человек, как, например, то, в котором вышла вот эта книга. Выпускает же оно книг если и поменьше какого-нибудь областного советского издательства, то — ненамного...

Завел я речь на эту тему отнюдь не для того, чтобы хвалить нашими большими успехами в печати. Есть, конечно, в Израиле превосходные журналисты, блестящие статьи, глубокие анализы, но в целом в глаза бросается как раз обратное: и малограмотность переводчиков, и самоуверенная болтливость обозревателей, и легкомыслие так называемых "специалистов" по вопросам, о которых они берутся судить, и — самое броское — это неумение брать интервью: израильские

интервьюеры часто не выявляют для читателя, что именно думает спрашиваемый субъект, а хотят поговорить о "предмете" сами... Но в целом, мне кажется, развитие нашей русской журналистики в стране отражает важные моменты общего развития, глубоко прогрессивного — и нас, то есть новых израильтян, и "коренного" израильского общества. В целом эта печать отражает процесс, который хочется назвать "школой демократии".

Вот несколько примеров.

Возник некогда в Израиле журнал "Сион", и пользовался он тогда финансовой поддержкой правительственных инстанций. Ну, нормальное было пропагандистское сионистское издание, типа, к которому мы привыкли в Союзе — только вместо коммунизма пропагандировался сионизм.

Начиная с пятнадцатого номера в его редакцию ввели группу репатриантов из Москвы, тех самых, которые в столице СССР издавали самиздатский журнал "Евреи в СССР". Скоро в редакции возник конфликт между ними и некоторыми из старых журналистов (кстати сказать, тоже бывших советских репатриантов), которые считали, что надо вести пропаганду добротню, по привычному шаблону, по-советски, но, конечно, с сионистским полюсом. А новые работники настаивали, что и "на сионизме есть пятна", что настоящая пропаганда (против пропаганды сионизма они не возражали, они тоже были убежденные сионисты, поэтому линия водораздела проходила не по вопросу вести пропаганду или нет, а о том, *как* это делать) — так вот, новые журналисты считали, что настоящая пропаганда связана с серьезным обсуждением слабостей и ошибок сионизма и еврейства в целом, и что если за нами стоит правда, то мы должны на нее полагаться — читатели не дети, они убедятся в нашей правде, даже если мы дадим неллицеприятное описание самых обидных язв и пороков нашей страны. Короче, новички настаивали на *дискуссионном* характере пропаганды, на *выявлении* истины, а не на преподнесении ее читателю готовой, "на блюдечке с голубой каемочкой". У их же оппонентов было нормаль-

ное представление о пропаганде: пропаганда есть реклама того, в чем хочешь убедить читателя, и умный рекламодатель не сообщает возможному потребителю о минусах (тем более о потенциальных минусах) собственного товара. Повторяю, эта точка зрения была традиционной, общепринятой не только в СССР, где, кстати сказать, работают очень недурные пропагандисты, но и на Западе. Естественно, "старики" одержали победу на уровне благотворителей ("спонсоров", как называют такие инстанции на Западе), то есть тех, кто субсидировал "Сион", хотя в самой редакции они оказались в меньшинстве. А в конце концов, тот, кто дает деньги, имеет право заказывать музыку, которая ему по нраву — таков общемировой, а не только советский закон! Все, следовательно, произошло точно так же, как могло произойти в СССР, если бы какая-то редакция нарушила волю инстанции, являющейся хозяином журнала — неважно, Союза писателей, АПН, ЦК КПСС...

А вот дальше началось то, что является спецификой нашего западного образа жизни, того, чему мы научились уже здесь — в нелегкой, длительной, изматывающей жизненной борьбе. Потому что приехали-то мы отнюдь не в рай, где справедливость обязательно торжествует, а порок наказывается. Нет, здесь многое похоже на порядки в СССР, и советский человек довольно быстро убеждается, что в его прошлом им заправляли вовсе не жуткие монстры, а самые обыкновенные и довольно типичные для всемирной схемы администраторы. А то, что итоги здешнего управления оказываются обычно более удачными, чем советского, объясняется не личными пороками советских чиновников и не личными талантами израильских *накидим* (слово, обозначающее то же самое понятие), а иной структурой общественного устройства, позволяющей... как бы это сказать точнее... *воспитывать* эти управляющие структуры, заставляющей и их самих тоже эволюционировать в процессе жизненного развития.

Ибо, оставшись в меньшинстве, бывшие редакторы "Сиона" решили издавать новый, свой собственный журнал имен-

но таким, каким они считали нужным его делать. Разумеется, без субсидий пришлось трудно. Своего помещения у редакции не стало — она разместилась (и до сих пор помещается) на частной квартире своего секретаря. Разумеется, никаких гонораров авторам больше не платили. Разумеется, штатное расписание журнала составляли три полставки, причем очень малые. Все остальные работали бесплатно. Короче, начался период "честной бедности" — как ехидно выразилась техредактор. И, конечно, вместе с ним начались отчаянные метания по благотворительным фондам, призывы о помощи к подписчикам в каждом номере, благодарственные отклики тем, кто пожертвовал хоть малую долю от щедрот своих! Главный редактор стал по совместительству собственной машинисткой и так далее... Не обошлось без коммерческих хитростей: "бунтари" понимали, что самое для них трудное — привлечь к себе внимание подписчиков в первый момент, в момент *возникновения* нового журнала, когда его никто еще не знает и репутации у него нет. И они придумали такой ход: поскольку "Сион" под их редакцией уже завоевал определенную популярность и поскольку они вышли из его редакции после 21-го номера, то на обложку нового журнала, по формату и объему дублировавшего старый "Сион", они вынесли огромную цифру "22", чтобы покупатели подумали, что перед ними двадцать второй номер прежнего журнала, просто как-то непривычно оформленный... Так и появилось у нового журнала эпатазирующее, экстравагантное название, вызывающее до сих пор постоянные шутки (типа: "Перебор", "Двадцать два редактора и двадцать два подписчика" и пр.). С тех пор прошло больше десяти лет. Кто только не побывал на страницах безгонорарного журнала: Аксенов и Бродский, Войнович и Горенштейн, Довлатов и Гиршович, Лосев и Бобышев, Хазанов и Цыпкин, Гиндис и многие-многие авторы из Израиля и вне его, и начинающие — им первым честь и место, — и прославленные... О чем только ни спорили на его страницах, а больше всего о том, "свободны ли мы для свободы?" или о выборе еврейством своего пути — где

он, в чем он, этот путь. Постепенно читатели привыкли, что раз в два месяца по календарю выходит в свет толстый русский журнал высокого литературного качества. И ответственные лица тоже привыкли. И стали догадываться: раз журнал может продержаться десять лет, не имея реальной поддержки, значит, нужен читателю, значит, и те, кто его делают, видимо, знают, как надо разговаривать с русским читателем, о чем с ним говорить... Постепенно, существуя год за годом, "22" вписался в ту структуру, которую в западном мире называют "истеблишментом": те самые чиновники, которые когда-то отказали ему в поддержке, постепенно пришли к мысли, что Нудельман с Воронелями знают дело, которым занимаются, и стоит им помогать...

Оказалось, что русскоязычным читателям мало "правильных" убеждений у редакторов, им еще хочется подумать, поспорить, поругаться — им хочется жить, а не присягать всю жизнь в верности сионизму! Им хочется "неправильных", нестандартных взглядов, чтобы было с кем поспорить и с кем схлестнуться — хочется стать равным участником общественной и литературной жизни. Может быть, полвека назад именно позиция ветеранов "Сиона" была верной, ибо тогда редакцию рассматривали в обществе как штаб некоего политического направления ("газета — коллективный организатор", помните?), а лидера редакции — в качестве вождя его верных подписчиков! На той стадии "вождизма" достаточно было примитивного политического сознания, когда только в *верности* состояла честь — именной такой и должна была стать настоящая газета или журнал. Разве мы сами не выросли в недавнем СССР именно в такой атмосфере, когда "Новый мир" Твардовского, "Октябрь" Кочетова, "Молодая гвардия" Никонова и даже "Юность" Катаева знаменовали определенное направление в общественной жизни, когда публикация, свойственная, скажем, "Молодой гвардии", заведомо была бы отвергнута в либеральном "Новом мире". Так вот совсем недавно понимался либерализм — как обязательное согласие с либерально мыслящей редакцией! Редакция

же "22" просто раньше остальных "русских" изданий уловила новую тенденцию, свойственную не только израильскому обществу, но и его русскоязычной части — *стремление к плюрализму как к принципу*, к тому, чтобы каждый смел и мог выразить свои необщие убеждения, сомнения — даже насчет "священных коров" сионизма, потому что, по мнению ее основателей, только та "корова" остается священной, которая отстояла это свое звание в нелицеприятной борьбе израильских мнений.

А что же, закончу эту идею по спирали, стало с "Сионом"? Закрылся. Потому что, как ни любят здешние чиновники, как все остальные люди на свете, оказаться правыми — но если дитя, даже любимое ими, нежизнеспособно, его в этом жестоком конкурентном израильском обществе отправляют на кладбище истории. И место занимает тот, кто выжил — это нелегко, это отнюдь не оптимистичный глас и не фанфары победы, часто погибает и то, что вполне заслуживало жизни и успеха, но это все-таки тот шанс, который в здешнем обществе дается людям, готовым жертвовать собой не однократно, а долго, веря в свою правоту.

Другой пример будет связан с популярным еженедельником "Круг".

Когда-то на сем месте существовал журнал "Клуб", который внезапно "прогорел": дело частое в нашем мире для частного заведения и нередко трагическое для его участников. Узнав о крушении своего места работы, несколько членов редакции совершили невозможное: за одну неделю успели получить разрешение на выпуск нового еженедельника, нашли для него вкладчиков капитала (у них самих, кроме желания работать, не было и лиры!), и ровно через неделю на том месте в киосках, где обычно торговали "Клубом", появился "Круг" (название опять-таки выбрали по принципу "похожести", чтобы читатели не сразу сообразили, что журнал-то — новый!). Но основать журнал — это даже не четверть дела: сколько их за эти годы основывали, всех не вспомнить — только на моей памяти скончались "Шалом", "Родина",

”Нес”, ”Иерусалимский дневник”... кого еще забыл? А вот ”Круг” выстоял, число его номеров уже перешагнуло за шестьсот, он растолстел чуть ли не вдвое, он подорожал соответственно, и его редактор Георгий Мордель даже попробовал стать депутатом Кнессета — правда, без успеха.

В чем причина живучести ”Круга”? Это важный, по-моему, предмет для размышления.

Георгий Мордель, его бессменный редактор — журналист ярко правых (по израильской шкале ценностей) убеждений, то есть преданный сторонник Ликуда. В своих статьях, появлявшихся в каждом из шестисот номеров (и далеко не по одной — Георгий обожает псевдонимы и анонимы для собственной продукции), он никогда не скрывал своих пылких партийных пристрастий. Более того, сам по себе Мордель — глубоко убежденный сторонник ленинской идеи партийной печати как основы партийной организации, и каждый раз, когда он интервьюирует кого-то из ликудников, он темпераментно внушает этим ”малограмотным политикам” (выигрывающим, к слову, уже четвертые выборы подряд), как бы славно они зажили, если бы завели себе печатный партийный орган, наподобие ”Правды”. Но они почему-то не слушают его умных российских советов... Счастье Георгия, однако, в том, что он сам себя тоже не слушает: говорит единомышленникам одно (почему и не дать совета хорошим людям), а ”Круг” ведет совершенно по-другому. В нем сработал инстинкт прирожденного журналиста, который до сих пор не позволял ему делать глупости, подсказанные собственными взглядами, ибо у себя в ”Круге” Мордель устроил подлинный ”форум” всех взглядов и направлений: интервью с изложением своих взглядов ему давали сторонники ”Шалом ахшав” и рава Кахане, убежденные хабадники и темпераментные борцы с религией, любители секс-романов и защитники нравственности молодежи, невежественные дураки и прославленные университетские зрудиты. Более того: защищая в каждом номере политику Ликуда, Георгий в каждом же номере давал трибуну своему вечному оппоненту —

превосходному "левому" публицисту Израилю Крайдману (тоже любителю псевдонимов), и потому каждый "Круг" становился площадкой партийных дуэлей! Редактор безошибочно угадал ментальность русского читателя: покупая журнал, тот хотел в одном номере за неделю *узнать все*. Узнать, что думают правые и левые, экстремисты и умеренные, темпераментные совлюди, дающие советы всем и каждому на все случаи жизни, и пламенные "марокканцы", и открытые настежь "сабры". Читатель не хотел покупать пять газет и журналов, чтобы узнать мнение пяти партий, он хотел все найти в одном номере, да еще в сшибке мнений — и он получил то, что хотел и чего искал. Он получил "Круг". Разумеется, за всеядность приходилось платить: Боже, каких чудовищных ошибок вы не встречали в каждом номере — там могли перепутать Ур Халдейский с государством Урарту или объявить Ли Сын Мана военным диктатором и проч. и проч., но читатели все равно не обижались — "Круг" стал именно зеркалом разнообразной читательской массы, зачастую, как она, неграмотной, зачастую, как она, самоуверенной и поучающей, и, как она, жадно пытливей и стремительно развивающейся. Сколько бы Мордель ни рекламировал, что журнал должен стать партийным, свой собственный орган он сделал "кругом" для всех, "журналом для всех" — и в том был залог большого успеха. Он отбирал одного за другим читателей у субсидируемой, партийной "Нашей страны" — даже тех читателей, которые разделяли ее платформу, партии Труда, им ведь тоже хотелось знать *все*, а не только мнения собственных функционеров!

Потому наступил где-то срыв, усталость... Мне кажется, что это было связано с уходом из журнала Крайдмана. Не редактор был в том уходе виноват, уверен, ибо он долго пытался найти ему замену, но это только в СССР незаменимых нет, а у нас — трудно с заменами... Но как бы ни сложилось в будущем, а урок беспрецедентного успеха "Круга" отметил, по-моему, важный общественный феномен: превращение многих из нас, бывших советских граждан, из бойцов

своей (неважно, какой конкретно) группы, партии, общины — в граждан, самостоятельно выбирающих путь в потоке мнений. Эту веху в нашем развитии отбил "Круг", и в том его заслуга.

А недавно возник еще один еженедельник — "Спутник". Возник он как-то внезапно и как-то внезапно стал отбирать читателей у всех окружающих журналов, включая "Круг". В короткое время он достиг тиража в 12 000 экземпляров, то есть один номер на каждые двенадцать потенциальных читателей (включая младенцев и неграмотных) — это по советским-то масштабам соответствует тиражу миллионов в 15 — 17! Ну чем же взял читателя "Спутник"?

Был в моей жизни эпизод: по приезду в страну я едва не стал редактором новой "правой" газеты. В те дни я собирал у опытных приятелей мнения, как такую газету повести, и один из них сказал: "Мой тебе совет — поменьше печатай материалов об СССР, даже о советских евреях. На самом деле, если говорить без демагогии, то это все никому не интересно. Люди живут местными новостями и именно про них хотят читать в газете".

Что-то разумное в этом совете было. Живя в СССР, я-то думал, что, при всех минусах, живу в великой державе, на одной из двух осей, вокруг которых вращается мир. Как поразило, когда, прибыв в 1980 году в Израиль, понял, что на самом деле эта великая страна никого не интересует! Ее не было на экранах телевизоров, о ней сообщали по радио меньше новостей, чем об Эфиопии или Бразилии — причем выводы я делал не только по израильским каналам, нам ведь тут доступны минимум три внешних канала, да и за границей пришлось мне побывать — брежневская Россия не интересовала в мире абсолютно никого. Этакое пустое место на карте, звездная дыра, конечно, опасная, как всякий провал в пространстве, но дыра и есть дыра, много заниматься ею невозможно, разве особым любителям. Но вот началась "перестройка", и Россия будто воскресла: каждый день сегодня мы видим ее по любому каналу. "Спутник" первым и уло-

вил эту новую тенденцию. Все-таки наш, то есть бывший советский читатель воспитан не обывателем и все-таки ему прививали вселенские интересы, ему, конечно, мало показывали мир за пределами его квартала, но зато рассказывали — обо всем, и он к этому привык — как к духовному алкоголю. Недавно я видел чудную картину советского художника: сидит алкаш на разоренной кровати, в рваной одежонке и, прижимая к себе приемник, о чем-то размышляет. Подпись: "Беспокоит меня Гондурас". Так вот, как ни улыбаться, а советских, даже бывших советских людей, гондурасы-таки беспокоят, и "Спутник" уловил именно эту тенденцию ко вселенскому, к земному универсализму и стал давать израильскому читателю самые интересные сведения о том, что происходит не только в Израиле, но на планете вообще, а в СССР в особенности. А кроме того, ему повезло: удалось привлечь к газете великолепного журналиста Зеэва Бар-Ама! Когда-то, еще в бытность Володи́й Фромером, он редактировал ротаторный журнал "Ами", который — уверен — навсегда войдет в историю русской литературы. Именно Фромер в этом журнале впервые опубликовал повесть, от которой трусливо отказались все зарубежные русские журналы, — "Москва — Петушки" Венедикта Ерофеева, великий шедевр русской прозы 20-го века! Но потом Фромеру не повезло: способности талантливого журналиста и хорошего дельца часто не совпадают... И вот теперь у редактора "Спутника" хватило чутья найти бывшего редактора "Ами" и сделать его своим основным автором — и тираж "Спутника" взлетел в израильский космос.

...Каковы, на мой взгляд, уроки израильской русской прессы?

В январе 1988 года мне довелось в Иерусалимском университете слышать доклад американского историка Р.Пайпса об итогах русской революции. Объясняя слушателям, в чем он, один из лучших в мире знатоков истории России, видит смысл этого феномена, Пайпс сказал примерно следующее: "Для меня итог русской революции сводится к сло-

вам: "Да будет человек". Это значит, что реальный человек в истории есть существо бесконечно сложное и разнообразное, и преступно, противно его Божественной природе, загонять всю массу людей в одну-единственную, придуманную даже самыми изощренными умами схему. Нужно всегда помнить, что разнообразнейшему человеческому сообществу должен соответствовать разнообразный в своем многоцветии мир. В этом для меня, Ричарда Пайпса, главный урок, который преподавала остальному человечеству Россия в 20-м столетии своим "отрицательным опытом".

Мне кажется, русская пресса в Израиле, стихийно, повинаясь естественным инстинктам развития народа, повела нас, то есть здешнюю русскоязычную общину, именно по этому пути — пути превращения из людей партийных в людей, способных выстоять на холодном ветру Божественной свободы воли.

ЧТО ТАКОЕ "МЕНТАЛЬНОСТЬ"?

Впервые я прочитал это слово, получив в ссылке письмо из Израиля. Не очень понял тогда, что оно означает, полез в словарь иностранных слов — там его тоже не было. Попросил израильского корреспондента разъяснить — он не ответил: то ли решил (как теперь понимаю), что я придираюсь, то ли, наоборот, задумавшись над этим общеупотребительным в Израиле понятием, вдруг с удивлением понял, что оно не имеет эквивалента в русском языке (как и другое западное понятие — "privacy").

В русско-английском словаре имеется одно из его значений: "склад ума" — так определяют ментальность авторы словаря. Это все-таки не совсем точно. Вернее будет сказать, не "ума", а того, что в психологии называют "динамическим стереотипом личности", то есть набором тех основных пред-

ставлений о мире, который определяет всю психическую структуру.

Я потому заговорил здесь о ментальности, что понимание этого не известного и даже не определяемого в русском языке феномена в значительной мере влияет в Израиле на наше, репатриантское вживание в местную обстановку.

В Ленинграде я получил от друга из Израиля другое письмо, со сравнением, которое запомнил на десятилетия, настолько верно оно описало психологическую ситуацию, в которой потом оказываешься в стране.

”Представь себе, — писал Саша П., — что ты поднимаешься вечером по израильской лестнице на четвертый этаж. Полная, густая, непроницаемая тьма, лишь на каждой площадке чуть заметно светятся фосфоресцирующие кружки, освещающие самих себя. Зажигая периодически спички, ты с нежностью вспоминаешь ленинградские парадные, где хоть и через площадку, потому что каждая вторая была разбита хулиганами, но светилась лампочка, а в этом чертовом проклятом Израиле приходится брести впотьмах, ощупью. И только дойдя до нужной квартиры, узнаешь от хозяев-израильтян, что, оказывается, фосфоресцирующие кнопки на площадке — это и есть ”включатели” света, что они держат лампочки зажженными до тех пор, пока посетитель не дойдет до нужной квартиры, после чего автоматически выключаются. Я не обсуждаю сейчас вопроса, — писал мой друг, — что лучше: принятая в СССР система постоянно включенных лампочек на лестницах или израильская система выключающихся реле. Это зависит от многих факторов: от цены электроэнергии (или, напротив — электроники) в той или иной стране и т. д. Возможно, что для одной страны лучше одно, для другой — другое. Я хочу сказать лишь: если ты не знаешь, что в Израиле нужно включать на площадках реле, тебе придется на здешних лестницах куда хуже, чем в самом темном парадном в СССР, хотя свет уже будет рядом — только руку протяни. В этом именно и есть наша главная здешняя проблема”.

Совершенно разные системы жизни, психологически во-

плотившиеся в разные ментальности, и представляют собой, по слову моего друга, "главную проблему" нашей здешней жизни.

Мы и местные уроженцы обозначаем одними и теми же понятиями разные явления, диктующие в схожих ситуациях разное общественное и личное поведение, разный подход. Эта путаница создает между нами и ними отчуждение и множит трудности там, где их можно вполне избежать.

Вот, например, бывшие советские люди, как правило, убеждены, что демократия есть такая система правления, при которой в результате свободных выборов власть попадает в руки большинства народа, которая диктует свою волю меньшинству. Поэтому поведение оппозиции в Израиле видится ею в привычных советских категориях "измены родине", а отношение к оппозиции здешнего правящего блока — слабым, чуть ли не анархическим и беспринципным. Отсюда — частые стандарты нашего поведения, когда "правые" по взглядам группы избирателей в первой половине 70-х годов голосовали за "левый", зато правящий блок, и наоборот, явно социалистического образа мыслей репатрианты 80-х годов голосуют за "правых" — ведь правительство в их глазах идентично народу, а они и тогда, и теперь хотели быть патриотами и только патриотами.

Они, наверное, удивятся, когда узнают сейчас, что главным признаком демократии в представлениях *местных* демократов являются вовсе не свободные выборы с последующей передачей власти в руки большинства (тогда и Гитлер до поджога рейхстага должен был бы считаться демократом!), а напротив — *защита прав меньшинства*. Защита права каждой группы и, шире, каждого человека на особое мнение, какое бы оно ни было, потому что "человек есть сосуд Божий", и у кого в кармане истина — заранее знать никому из нас не дано, "кроме Бога одного", и уж, во всяком случае, большинству истина автоматически не гарантирована. Но из этого, казалось бы, чисто теоретического расхождения во взглядах на природу демократии вытекает и важный практи-

ческий поведенческий комплекс, о котором писал местный советолог из Тель-Авивского университета профессор Я. Рои: "У алии из России есть особенности, которые делают ее трудной и разочаровывающей... Иммигранты закрыты, подозрительны. Они мыслят несвободно, не говорят открыто то, что думают, а как будто пытаются угадать то, что от них хотят услышать. Мы, израильтяне, к этому не привыкли. Мы мыслим свободно, выражаем свои мысли открыто. Это различие создает между нами и иммигрантами из СССР барьер, который, боюсь, не удастся преодолеть в нынешнем поколении".

Подобные "разночтения" встречаются буквально на каждом шагу. Возьмем такую привычную, казалось бы, сферу жизни, как образование. Я задумался над ней, прочитав вышедшую в 1981 году в Новосибирске повесть В. Тарасова "Посиди на камне у дороги", посвященную жизни в Израиле. Хотя автор ни разу не был в нашей стране, он пользовался здешней информацией — рассказами и письмами своей давней приятельницы, израильской адвокатессы и журналистки Александры Захави. И фантастические, на взгляд израильтянина, фактические ошибки автора повести объясняются не только его идеологической заданностью, "социальным заказом" — тогда о них не стоило бы и говорить, как не стоит говорить вообще всерьез о рептильной прессе — но еще и несовпадением ментальностей израильской корреспондентки и ее советского адресата, которые заставили их подразумевать совсем разные вещи под обозначенным одними понятиями, и которые создают невидимый барьер между всеми жителями России, в том числе русскими евреями, и нами, уже *ватики*, то есть "опытными" израильтянами.

Вот, например, сын героини повести поступает в школу: "Требования низкие, — пишет она русскому адресату в Сибирь, "Игорьку", — домашних заданий нет. А с другой стороны, откровенное разделение учеников на привилегированных и изгоев. Хорошо учишься — иди в группу "А" (элита), средние знания — переходи в группу "Б"... а если предмет не дается, отправляйся в группу "С", и группы создаются по каж-

дому предмету”. Правда, через 190 страниц сообщается, что “с девятого класса закручивают гайки и учителя начинают лютовать с домашними заданиями и оценками. Удерживают-ся один-два человека из класса”.

Я представляю, как описывала эти явления А. Захави “Игорьку” и как он по этим письмам сочинял свой прозо-опус, ничего не понимая из сообщаемого — в силу вышеупомянутой ментальности. Попробую на этом примере как раз и объяснить, что она такое, эта разница ментальностей.

”Требования низкие, домашних заданий нет”... Даже мы, и уже в Израиле, когда пошли наши дочери в школу в Гиват-Ольге, ужасались отсутствию дисциплины в классе, и домашних заданий, и невероятно длинному учебному дню (почти до вечера) ... Поскольку местная публика ничем не отличалась от своих советских земляков и охотно давала любые объяснения желающим слушать, даже если ничего по данному вопросу не знала (“почему и не ответить, раз спрашивают”), нам рассказали, что израильтяне не предъявляют на уроках никаких требований детям ни в смысле дисциплины, ни в плане учебы, потому, дескать, что они воспитывают тут свободных людей, коим неведомо принуждение, а из таких, мол, свободных людей и вырастают супермены, сокрушающие любого врага на поле боя... Мы (оба педагога по образованию) несколько поудивлялись, но смирились — не будем же мы менять сложившуюся систему образования в стране. Спустя год переехали в Ришон-ле-Цион, где сняли квартиру сами, в районе, который нам показался подходящим, и отправили младшую дочь заканчивать неполную среднюю школу. И поразились: все было, как в СССР — только в самых лучших школах и в самые лучшие времена: дисциплина на уроках такая, что муха пролетит — слышно; домашние задания каждый день, да какие сложные и еще как контролируются; малейший пропуск в школе или снижение успеваемости — и меня вызывали к классной руководительнице “на ковер”; неслыханная индивидуальная работа с учениками: когда моя дочь окончила эту школу, ей дали рекомендацию

в художественно-графический класс, а проходной балл в этом классе был высок, и нас с дочкой спросили — обязательно ли вы хотите учиться у нас? А Оле моей было все равно, просто, раз уж ее учителя направили, она туда поступала, она так и ответила и стала потом думать, в какой бы другой класс, с каким направлением пойти — но *бывшая* директорша вместе с *бывшей* классной явились в среднюю школу и заставили, буквально заставили там прислушаться к своей рекомендации и принять ее на графику (она училась в ришонской школе всего год! Советские учителя, мои бывшие коллеги, поймут мои чувства при этом известии). Что произошло?

Только постепенно мы стали понимать очевидную для здешних людей и именно потому ими никак и никому не объясняемую (им кажется, что и без того все понятно) механику местной системы образования.

В Гиват-Ольге мы жили в "неблагополучном районе" — наверное, точно в таком же, как сын героини повести В. Тарасова. Семьи там трудовые и малограмотные, и зачем детям нужно особое образование, когда их судьба — стоять возле отца в лавке и помогать ему, или работать в поле или у станка — в семьях непонятно. К восьмилетнему, обязательному в государстве образованию родители там относились как к еще одной госповинности — а что за отношение к госповинности, это советским людям долго объяснять не надо. Ведь почему в той школе не задавали детям домашних заданий — их все равно не выполняло бы подавляющее число учеников; вот почему их как можно позднее держали там в школе — чтоб не болтались на улице, не хулиганили, а все, что нужно, учили бы в классе. И моя старшая дочь оказалась единственной ученицей в своем классе, которая пошла продолжать образование в среднюю школу.

Зато в Ришоне мы поселились в "благополучном" районе. Конечно, мы еще в СССР слышали, что плата за квартиру одинакового метража и одних коммунальных удобств меняется на Западе в четыре-пять раз — в зависимости от района, но никто так и не сумел там объяснить, почему — такая разли-

ца! "Престиж", мол, говорили... Что они там, думалось про знакомых, уехавших из СССР, совсем с ума посходили, если, не имея положения, жертвуют такие суммы на чистый престиж! И только в Ришоне поняли: какой там престиж — речь о детях твоих идет, о том, какое образование они получают, в какой компании будут общаться, какие навыки приобретут "во дворе" — да кто же пожалеет деньги, если речь идет о *таких* вещах!

Позвольте, может сказать мне советский человек, что вы нам "ваньку валяете"! Ваши дети переехали из рабочего района в привилегированный, из обычной школы в элитарную — так что, вы в Союзе про такие вещи не слыхивали? Что вы сочиняете про какую-то не известную вам ментальность? Все точно так же, как у нас...

В том-то и секрет, что нет! Со всей ответственностью утверждаю — школа в Гиват-Ольге была обеспечена материально *лучше*, чем ришонская. В той школе в классах стояли персональные компьютеры — в ришонской школе их не было! В школе в Гиват-Ольге учащиеся получали бесплатные обеды — в Ришоне нет. И учителя в первой школе, по словам моей дочери, были профессионально более подготовлены, чем в новой. Нет, "элитарная" школа в Израиле, в отличие от советской, не имела преимуществ материальных, финансово-учебных, а только "ментальные": в ней собрались дети, желавшие продолжать учебу. И все без исключения соученики моей младшей поступили в девятый класс.

"В девятом классе учителя лютуют..." — заметил далее автор повести. Верно. Начиная с девятого класса, нет в Израиле обязательного обучения. Если уж пришел учиться — учись, тебя сюда никто не звал и не заставлял, тебя сюда *отбирали* — по отметкам и рекомендациям. Так учись — или иди работать. Тоже не известная нам ситуация.

Или возьмем пресловутое деление "на привилегированных и изгоев", то есть на группу "А", "Б", "Г". Такое деление в принципе понятно советскому автору: он наблюдал и в тамошней школе, как отрицательно сказывается на успехах

совместный урок успевающих и неуспевающих учеников в рамках одного класса. Поэтому ввести разделение внутри класса, как в Израиле, выглядит в его глазах целесообразным. В то же время сам принцип деления детей на элиту и отстающих для его сознания отвратителен — и он находит глубокое удовлетворение в том, что в его стране — пусть это даже нецелесообразно, зато социально справедливо! — детей не делят на хороших "овец" и грязных "козлий". Упущено им одно (верю, что неумышленно): дети в классе делятся на группы не постоянно, а на каждый предметный урок заново. То есть ученик, входящий в группу "А" по английскому языку, может попасть в группу "Г" по математике — и наоборот. "Элитарный ученик" в гуманитарных предметах может остаться последним в точных науках... Короче, все зависит от ученика на данном уроке.

Подобные неизвестные величины, скрывающиеся под знакомыми названиями, преследуют нас каждый день. Например, дочери мои поступили сейчас в университет. С советской точки зрения, это значит, что они получают высшее образование по специальности. Между тем, когда я беседую со своей старшей (ее профиль — "управление производством") о том, чему ее учат, то обнаруживаю поразительные пробелы. Например, она ничего не знает о способах обращения с векселями (эта тема меня интересовала в связи с одним литературным трудом). "Как же ты будешь потом работать?" — изумляюсь я. "Папа, — отвечала, удивляясь в свою очередь моему неразумию, дочь, — я ведь учусь в университете, а не на курсах. Мое дело — наука, я не должна здесь думать о мелких прикладных деталях. Если мне в моей будущей работе понадобится заниматься оборотом векселей, я просто возьму книгу, где об этом написано, прочитаю ее за два вечера и буду все знать. Учить такое в университете нецелесообразно. А здесь меня учат — умению быстро разобраться в любой книге по моей отрасли знаний". Гм-гм, нас именно этому не учили...

Еще хуже обстоит дело с младшей дочерью, изучающей

социологию и политологию. "Кем она будет?!" — беспокоимся мы, родители. "Не понимаю тебя, — опять объясняет старшая дочь, — она учится в университете, значит, учится *для собственного удовольствия*, для знаний своей науки (курсив-то мой! Дочка произнесла это спокойно, как нечто само собой разумеющееся). Причем тут ее будущая работа? Если она придет куда-то, где требуются работники, ее менеджеру или хозяину будет достаточно, что у нее есть университетский диплом. Это значит для него, что она из хорошей семьи, что умеет работать и обладает навыками умственных занятий — а какой именно у нее особый профиль, это для него пятое дело. Научится на месте". Я вовсе никого не уверяю, что моя старшая права (это нам еще предстоит изучить на практике), но само ее отношение к высшему образованию как к занятию наукой для собственного удовольствия меня поразило.

И последнее: высшее образование в Израиле платное, и стоит оно недешево. Тем более, когда платишь за двоих. Не буду вас уверять, что меня эти платежи радуют. Но вот опять разница ментальностей: поскольку высшее образование рассматривается как вид интеллектуального удовольствия, то за удовольствия положено платить. Но то, за что плачено (и особенно — хорошо плачено), в рамках здешней ментальности приобретает общественный престиж. И у молодежи тоже. Поэтому я не должен особо беспокоиться об успеваемости своих детей, я всегда могу сказать: "Мне нелегко за тебя платить, это тяжелый долг. Если ты не хочешь учиться — скажи сразу. Мы оставим это удовольствие на другой раз, когда с деньгами у нас будет полегче". Можете поверить, эта ситуация очень помогает в жизни. Конечно, я бы хотел, чтобы мне не пришлось платить за их учебу, как это делалось в Союзе, но, Боже мой, скольких людей я знал именно в Союзе, которые с удовольствием бы платили за учебу, лишь бы их дети, в частности из-за этой платы, с уважением и старанием относились бы к тому занятию, которое так дорого стоит их "предкам".

Еще одно замечание в связи с нашей ментальностью.

Когда разговариваешь с "русскими", ветеранами начала 70-х годов, они постоянно вспоминают, как тяжело им пришлось тогда по прибытии, как с недоверием относились местные предприниматели и менеджеры к их дипломам, знаниям, опыту, навыкам, как не хотели их брать на работу, а взяв, стремились платить как можно меньше и увольняли первыми. В наше время ситуация на рынке труда давно обратная: русский диплом котируется уважительно, русских специалистов знают как равных. Видимо, та же ситуация сложилась и в Америке. П. Вайль и А. Генис в "Потерянном рае" пишут про США: "В целом русская эмиграция устроилась дай Боже каждому. Советское образование оказалось неожиданно хорошим, наши таланты — выше среднего, а эмигрантские пробивные способности превысили аналогичные показатели техасских ковбоев". Во всяком случае, когда репатрианты жалуются на плохое отношение к ним работодателей сейчас, они предполагают со стороны аборигенов не презрение к "русским", а напротив — боязнь их конкуренции.

Но все-таки, почему "пионеров", "первое поколение", ждали такие беды?

Думаю, они сами были в чем-то виноваты.

Сколько из них обрушилось с руганью на свою бывшую родину! Я отнюдь не против жесточайшей критики, тем более, что критиковать было чего в избытке, и нынешняя "перестройка" это ярко доказывает. Но ведь здешним людям не нужна была их горячая жажда рассказов, как плохо жить в России, как и истерические попытки рассказов, как хорошо им в Израиле. Здешние *на самом деле* хотели разобраться, что у нас там, за железным занавесом, куда их не пускают. А навстречу пошел поток индоктринированных людей, которые с детства привыкли, что Запад надо ругать, а все советское надо хвалить, независимо от истины — и, очу-

тившись по другую сторону, то есть в Израиле, многие из них рвались к микрофонам и трибунам, и хвалили уже все здешнее, и поносили все тамошнее, не понимая, что *здесь ритуал* никому не нужен, здесь ищут не ритуал, а информацию, и их слова и воспринимают как информацию — либо достоверную, либо искаженную. Значит, если они говорят, что образование в России никудьшное и одни марксистские дисциплины учат — значит, верно, так оно и есть; если жалуются, что производство в СССР никуда не годное, а они там работали — значит, возможно, так оно и есть. Если преувеличенно восхищались здешней техникой — значит, нужно показать "русскому" великое чудо западного мира, скажем, лифт и тем более эскалатор в подземном переходе и с удовлетворением дожидаться, когда же он начнет восхищаться. Мне рассказывал с обидой один *ватик*, как ему по приезду показали такое чудо — телевизор! А я подумал: значит, ты, братец, так себя поставил.

Однажды я был на симпозиуме, где старый, прекрасный инженер считал нужным разоблачать советское производство. Все, что он говорил, было безусловной правдой. Но по окончании журналистка его спросила: "А здесь вы где работаете?" — "На военном авиазаводе". — "А вы понимаете, что если рассказанное вами — правда, вас надо немедленно гнать оттуда, вы нам все самолеты испортите?" Инженер растерялся — с этой стороны он на свои рассказы никогда не смотрел.

Все вышесказанное сводится собственно к такому выводу: не доверяйте слепо стереотипам сознания, воспитанным в вас прошлой жизнью, на новом месте стереотипы иные. Не торопитесь поспешно все хаять в оставленной жизни; если вы уважаете себя, своих близких и друзей, помните, что такими вы все стали в той жизни и в той стране, она вас (и их) сформировала, и всем хорошим в себе и своих вы обязаны своему прошлому. Не торопитесь и поспешно хаять все непривычное в новой жизни, что раздражает вас: здесь жили люди до вас, и они были не глупее вас, и у них был собственный опыт, и умение учесть те факторы здешней жизни, кото-

рые вам в вашей там не встречались. Помните, если кажется, что существует какой-то простой и очевидный рецепт, позаимствованный вами из прошлой жизни, который кажется правильным применить в жизни новой, — он окажется практически почти всегда непригодным. Это ведь как в науке или в изобретательстве: *очевидное* открытие наверняка содержит ошибку, иначе его давно бы кто-нибудь нашел. Дорога через пропасть разных ментальностей сложна, она требует постоянного интеллектуального любопытства, требует, чтобы вы, сталкиваясь в Израиле с новым и неизвестным явлением, были готовы, прежде чем отвергнуть его, понять его изнутри, понять его собственную логику, часто скрытую от посторонних глаз или сознательно замаскированную от чужих — а вы и есть пока что чужие — и только войдя в него изнутри, начинайте "наводить критику". Это будет долгий и непростой путь, но зато впереди вас ждет будущее, описанное в одном из рассказов Бредбери: высадившиеся на покинутом аборигенами Марсе земляне через несколько лет становятся новым смуглым золотоглазым племенем и со смущением смотрят на собственные дела первых лет эмиграции: "Ну не странные ли существа были, эти земляне? — спрашивают они самих себя. — Зачем им нужно было все это барахло? Хорошо, что их больше нет на Марсе".

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Большинство предыдущих главок я написал несколько лет назад для журнала "Израиль сегодня". Перечитав их сегодня, получил удивительную возможность сопоставить свои предположения об израильской действительности с тем, как дальнейшее ее развитие оправдало или, наоборот, не оправдало мои ощущения. Парадоксально удалось совместить в одном тексте наблюдателя с историком в одном лице.

Например, ощущение несерьезности экономического "кризиса" в Израиле, мне кажется, подтвердилось, ибо достаточно оказалось нескольких решительных, хотя и болезненных реформ, проведенных в 1985 году премьером Ш. Пересом и его талантливым министром финансов И. Модай, и в течение нескольких месяцев экономическое положение страны вошло в норму. Это, по-моему, значит, что подлинного хозяйственного кризиса у нас, действительно, не было — для лечения настоящего кризиса нужны годы, если не десятилетия, это-то российские граждане знают хорошо...

Разумеется, вышесказанное не означает, что "все хорошо, прекрасная маркиза". Наоборот, по моей же оценке, многое у нас стоит проверять, уточнять и исправлять в хозяйственном механизме страны. Если говорить о моем личном ощущении — я бы, например, доверил так называемые второстепенные министерства (то есть занятые непосредственно народным благосостоянием) министрам от малых партий (нынешнего главу правительства просили доверить им такие портфели представители религиозных партий, и, ей-Богу, не будучи ни в коей мере человеком "церковным", я бы скорее доверил эти посты им, чем большим "политикам"). Потому что министры от больших партий, даже люди энергичные, хваткие, честные, склонны рассматривать министерское кресло как личное право на участие в принятии важнейших политических решений, а не как ту точку, где предстоит заниматься кропотливой, повседневной, рутинной и, прямо скажем, неблагодарной работой. Сегодня, допустим, он министр абсорбции, но на самом деле глубинные проблемы репатриации его мало занимают, ведь завтра партия может выдвинуть его в министры строительства или сельского хозяйства, а послезавтра и в министры иностранных дел или финансов — и потому конкретные дела сегодняшнего министерства отдаются им в руки чиновников, которые не в состоянии, даже если хотят, добиться подлинного перелома. Зато деятели малых партий, чьи перспективы целиком зависят только от успеха на конкретном посту, от будущей поддержки избирателей

— они-то как раз могут добиться для своего ”второстепенного министерства” сильного ”лобби” в решающих кругах; лучшим министром просвещения на моей памяти был З. Хаммер от Национально-религиозной партии, а лучшим министром связи — А. Рубинштейн от маленького либерального ”Шинуя” (”Перемены”).

...К слову, о религиозных партиях. Буквально на наших глазах происходит, кажется, переворот исторического размаха. Напомню вам, что в 19-м веке подавляющее большинство ортодоксальных евреев являлись врагами сионизма: в книге ”билуйца” (д-ра Хисина) я прочитал, что, оказываясь, иерусалимские раввины проклинали и отлучили от синагоги и первого строителя нового Иерусалима барона Монтефиоре, и Элиэзера Бен-Йегуду; вообще, они презирали всех ”билуйцев”, кстати, в большинстве вполне ортодоксальных молодых евреев, за занятия теми ”неположенным” земледельческим трудом. С годами конфликт не замирал, а обострялся, учитывая ”красные” настроения сионистского поколения 20-х годов: в середине того десятилетия одесские по происхождению боевики-социалисты просто пристрелили религиозного проповедника Де Гаана на пороге его дома, поскольку считали, что силой своей проповеди и своих статей он в состоянии разрушить сионистское дело (признаюсь, что этому их объяснению я не верю. Просто людям, прибывшим из котла первой в мире социалистической революции, все еще хотелось — по классовой инерции — кого-то убить). В 1948 году несколько раввинов согласились подписать Декларацию Независимости Израиля — но при условии, что Святое Имя Божье вовсе не будет упомянуто в этом сомнительном с религиозной точки зрения документе. Бен-Гурион их все-таки перехитрил, вставив уже в заключительный абзац фразу: ”Уповая на Твердыню Израиля, мы скрепляем нашими подписями сказанное в этом документе...”, а они, конечно, поняв, кого сионисты подразумевают под Твердыней Израиля, предпочли сделать вид, что обмануты. Я вовсе не иронизирую, во всяком случае, если и да, то вполне сочувственно:

раввины ведь хранили верность тому учению, которому тысячелетиями учили народ и сохраняли им народ на протяжении девятнадцати веков, — обещанием, что Царство Израилево будет восстановлено в Силе и Славе лишь Машиахом Божиим, Его помазанником (по-европейски — Мессией, или, по-гречески, Христом). Бен-Гурион, убежденный социалист и в прошлом полубольшевик, так мало походил на обещанного Спасителя! Нет, раввины-то как раз проявили принципиальную верность себе, своему наследию, объявив себя антисионистами. Но уже тогда, в самый момент провозглашения независимости, пробился наружу спрятанный в их сердцах естественный патриотизм и любовь к народу. Он проявился хотя бы в том, что они-таки пропустили "Твердыню Израиля" в текст и, главное, в словах, вырвавшихся в тот самый момент у одного из раввинов — сразу после подписания "безбожной декларации": вырвались у него слова одной из самых торжественных еврейских молитв: "Благословен Ты, Господи, Бог наш, Царь Вселенной, что дал нам дожить и существовать, и достичь этого времени..."

С той молитвы, наверное, и началась сегодняшняя эволюция ортодоксального еврейства, и когда в 1980 году я приехал в страну, ортодоксальные партии уже не желали именовать себя антисионистскими — они предпочитали более умеренный термин: "несионистские". На практике это значило, что они не входили в правительство (ну как можно верующему человеку входить в правительство страны, созданной социалистами, да еще вопреки пророчеству), но уже соглашались отдавать ему свои голоса в Кнессете (парламенте) в обмен на некие ассигнования в пользу религиозных учреждений и на другие религиозные дела... По правде сказать, их "несионистское положение" выглядело при всем при том детским капризом, вообще, поведение ортодоксальных евреев так часто напоминало мне поведение балованных детей, которые устраивают родителям концерты, чтобы отстоять себя, свою личность и лишний раз напомнить взрослым о своем существовании. Но прошло восемь лет, и на вы-

борах 1988 года религиозные партии достигли настоящего, крупного успеха, потому что в первый раз повели себя как сионистские партии, имеющие общегосударственные, а не чисто религиозные, то есть групповые цели и интересы. Их успех на выборах, как и последующая крупная неудача при формировании правительства, были глубоко взаимосвязаны. Успех я объясняю *сионизацией* религиозных партий, их превращением в нормальные общественные организации нашей страны. Отсюда и естественное для любой нормальной политической партии стремление войти в правительство, чтобы предложить всему народу Израиля, а не только своим последователям, какие-то цели и методы их достижения. На сей раз, слава Богу, религиозники не изображали невинных мальчиков, а прямо требовали важных постов в правительстве — и, верю, среди них нашлись бы хорошие, трудолюбивые и честные министры. Но, увы, политическая инфантильность не проходит даром и не проходит сразу: по-моему, их не очень даже хитро обманывали все без исключения партнеры по переговорам, и партнеров я тоже не осуждаю. Нельзя в политике требовать от партнеров того, чего они не в состоянии и, главное, не хотят ни за что дать: в таком случае ты сам толкаешь другую сторону на обман, причем он же и ощущает себя "в своем праве". Ни одна сионистская партия не хочет и не может поддержать религиозную поправку к закону о возвращении "Кто является евреем", направленную на унижение и оскорбление реформистской религиозной общины, неотъемлемой части еврейского народа. Поведение религиозных партий выглядит при этом детским, жестоким капризом, да и было таковым отчасти, и потому они проиграли: как раз когда получили наибольшее количество голосов в своей истории, им досталась наименьшая доля реальной власти в стране. Как ни странно, ситуация эта возникла как результат их сближения с государством, в результате чего их предложения стали воспринимать или отвергать всерьез, а не как выходки детей или нахлебников в правительстве. Детям часто ведь достается больше, чем могут позволить

для себя самих родители, и когда они взрослеют, их неожиданно ставят на место, но, согласитесь, процесс взросления — все-таки он благодетелен, и если продолжится, нам предстоит увидеть новые и неожиданные феномены в израильской жизни. Поживем — увидим...

Другой наш новый феномен, который как будто должен опровергнуть одну из написанных выше главок, — "интифада" (арабское "пробуждение"), восстание арабского населения в Иудее, Самарии и Газе 1987 — 1989 гг. Как ни удивляет это меня самого, но, перечитав главку "Палестинский вопрос", я не нахожу нужным ничего в ней изменить сегодня, хотя, казалось бы, интифада все прежнее перечеркнула.

В качестве доказательства, что мой анализ ситуации в "палестинском вопросе" был все же верен, приведу вам такой факт: когда началась Ливанская война 1982 года, всего шесть лет назад, никому из израильских руководителей в голову не пришло опасаться арабского восстания на территориях. Более того, израильская армия после мобилизации насчитывала примерно 600 тысяч человек, и в ответ на вопрос, как такое может быть, ведь общепризнано в мире, что оптимальный набор в армию не должен превышать десяти процентов населения страны, а Израиль насчитывал тогда чуть меньше четырех миллионов, специалисты-демографы объяснили, что мы можем мобилизовать такую огромную армию, потому что освободившиеся места в экономике и вообще в тылу страны занимают арабы с территорий! Это, мол, и обеспечивает нам полуторную мобилизационную готовность по сравнению с общепринятой (не знаю, верно ли это, но такой анализ ситуации я сам читал тогда в прессе).

И вот прошло всего несколько лет с того анализа, и на территориях разразилось настоящее восстание. Что произошло?

Мое личное ощущение: "интифада" явилась следствием грубых ошибок и просчетов израильских политиков, про-

счетов того же характера, которые привели ранее к фактическому проигрышу Ливанской войны.

Еще на заре сионистского движения один из его отцов-основателей, великий поэт Ахад-Гаам, предупреждал молодых сионистов от упоения преимуществами физической силы. Он предвидел увлечение ею людей, которые в диаспоре были рабами: рабу всегда хочется сыграть роль господина, если такая возможность ему подвернется, только господин-то он рабского, холуйского типа. "Люди, бывшие рабами в изгнании, вдруг попали в положение неограниченной свободы, разнузданной воли, как всегда бывает с "рабом, взошедшим на царство"... Правда, наши братья говорили верно, что араб уважает только тех, кто выказывает смелость и мужество. Однако это говорится о случаях, когда он чувствует, что справедливость — на стороне его противника. Другое дело, когда у него есть основания полагать, что его противник совершает нечто несправедливое и противозаконное. Тогда, даже если он смолчит и сдержится до конца, он затаит злобу в сердце, и нет человека, столь мстительного и злопамятного, как араб".

Это было сказано в 1891 году, и поразительно, что именно поэт так глубоко понял практические проблемы сионизма, которые встали перед нами только после создания государства; он куда дальше и глубже видел, чем практические политики его эпохи.

Накоплению злобы и напряженности на арабской улице немало способствовал в эти годы рав Меир Кахане и его партия "Ках", проповедовавшая так называемый "трансфер", как эвфемистически они называли депортацию арабов. Не нужно иметь бездну фантазии, чтобы представить, как самая возможность даже разговоров на эту тему толкала на сопротивление израильтянам массу арабских сел и городов, независимо от ее политических убеждений и темперамента.

До поры до времени израильтянам удавалось избежать конфликта благодаря тому, что рав Кахане стал фактически парией израильской политики: даже его речи в Кнессете про-

ходили, как правило, в присутствии одного председателя собрания (парламент страны подвергал бойкоту одного из своих депутатов)! Но постепенно ситуация тревожно менялась — благодаря слепоте и параличу воли израильских политиков.

...Не первый паралич воли настигал правящую элиту нашей страны. Впервые, насколько я знаю, это произошло после войны Судного дня, которая опрокинула хвастливое упование собственным умом и мощью, охватившее после Шестидневной войны израильское общество. Даже странно, что такой исторически древний и, казалось, умудренный историей народ, как наш, столь на самом деле молод и по-юношески наивен, верит в себя без особой оглядки, взрывчат и темпераментен без особого рассудка — словом, народ-подросток, только-только, по моей оценке, начинающий взрослеть и, как всякий взрослеющий подросток, теряющий на глазах публики массу достоинств, умиляющих ее в ребенке. На самом деле процесс взросления не только неизбежен — он, повторяюсь, наполнен своими достоинствами, надо только не потерять в этот момент себя и заложенные в тебе с детства "родительские" основы, и тогда взрослый человек продолжит и разовьет жизнь на Земле... Прошу прощения за "педагогическое" отступление от сюжета (ведь по образованию, да, пожалуй, и по призванию я и есть учитель), но трудно уклониться, когда наблюдаешь сегодня за нашим народом, имея за плечами школьный опыт... Так вот, внезапно убедившись в ошибочности многих схем, столь радужно воображаемых нацией после Шестидневной войны, израильское политическое руководство впало в некий ступор, остро ощущавшийся обществом. На его счастье, имелся тогда выбор: существовала оппозиция, возглавляемая человеком редкого мужества и морального благородства, и народ отдал ей победу на выборах. Началась новая эпоха.

У правительства Менахема Бегина имелось множество недостатков, им было допущено множество ошибок, но одного огромного достоинства у него не отрицали даже его про-

тивники: это была исключительно энергичная администрация. Реформы, "перестройки", решительные действия обрушивались на израильтян постоянно. Бегин, прирожденный революционер по темпераменту, вносил пламя своей веры в любую отрасль, которой занимался. Главное — действие; "сначала ввяжемся в бой, а там посмотрим" — как вслед за Наполеоном любили повторять революционеры всех эпох и народов (забывая, однако, чем кончился бой для самого Наполеона). Поэтому таким шоком для премьера стало фактическое поражение Израиля в Ливанской войне — оно так же опрокинуло все новые стратегии и схемы, как война Йом-Кипура сокрушила старые, маараховские.

Здесь я скажу несколько слов о причинах неудачи этой войны, как они представлялись мне изнутри. Бегин был уверен в победе не только в результате подавляющего военного превосходства израильской армии над противником: самые цели войны выглядели в его глазах вполне доступными и взаимовыгодными. Израиль не претендовал ни на пядь ливанской земли; он не стремился изменить государственное устройство Ливана или сделать эту страну каким-то вассальным государством. Все, чего хотел Бегин, сводилось к достижению мира с соседом. Казалось, достаточно для этого посадить на трон президента решительного христианина, имевшего к тому же конституционные и традиционные права на это кресло, а для этого надо было попутно убрать военной силой противостоящих ему конкурентов из пропалестинских и сирийских кругов — и тогда израильская армия в кратчайшие сроки (через две-три недели, месяц) вернется из похода с желанным мирным договором в ранце.

Все развивалось по плану. Через неделю после начала войны были разгромлены войска ООП в Южном Ливане и сирийские оккупационные дивизии на юге и в центре страны. Израильская армия окружила Бейрут и взяла под свой контроль президентский дворец. Журнал "Круг" уже успел темпераментно известить русских читателей: война окончена, и сейчас будут говорить дипломаты.

Но избранный ливанский президент стал изо всех сил упираться и не заключал с Израилем мирный договор. После его убийства (видимо, сирийскими агентами) новый президент все же довел договор до подписания — но не ратифицировал его. И без славы вернулась домой наша армия, не добившись ничего: ибо взамен старого врага, бойцов ООП, нас стали атаковать и обстреливать с северной границы те, с кем наш вечный противник раньше воевал и кто встречал нас в Ливане хлебом-солью: шиитские воинские формирования.

Что же, однако, произошло?

Дальнейшее изложение есть моя личная точка зрения, в которой, как у всякого наблюдателя, могут содержаться ошибки, хотя я отнюдь к ним не стремлюсь.

Арабы — это часть мусульманского мира. Религия ислама, грубо говоря, антинациональная религия. В центре учения Мухаммеда стояла, в частности, борьба со столь распространенным в арабском мире "трайбализмом", с племенной враждой. Поэтому в догматах новой веры не существует людей той или иной нации внутри ислама, но лишь братья по вере — мусульмане. Конечно, в реальной жизни полностью отвлечься от национального фактора было трудно, но вплоть до 19-го века он принимал в том мире религиозную форму: например, иранцы, этнически отличные от турок и арабов, предпочли свою, особую ветвь общей религии — шиизм; арабы Аравийского полуострова противопоставили ханифизму, толкованию веры наиболее распространенному среди турок, господствующей в Османской империи национальной общине, свое, специфическое толкование в исламе — ваххабизм. Лишь под покровом религиозных споров прорывались наружу национальные и социальные страсти...

Все это привело к тому, что сейчас, в 20-м веке, национальные проблемы исламского мира, оформляющиеся уже прямо, оказались невероятно сложны и запутаны. Арабы — это нация? Если — да, то кто же египтяне? Или сирийцы? Ливийцы — арабы или берберы? Бедуины — они такие же арабы, как все остальные, или другие? А друзья? В израильской

печати, например, так и пишут: "арабы, бедуины и друзы", хотя нет никаких сомнений, что этнически все три категории — абсолютно один народ. С другой стороны, они сами себя как бы и считают одним народом, и в то же время как бы не очень-то считают... Друз, например, явно отделяет себя от остальных арабов, хотя в то же время осознает свою общность с арабским океаном. Думается, в настоящее время происходит процесс формирования наций в мусульманском регионе. И эта динамика, эта неопределенность становления новых национальных общностей в нашем регионе сильно затрудняет местным и неместным политикам реальную оценку ситуации.

Израильяне, например, явно не считали в 1982 году ливанцев нацией: в их глазах это был искусственно созданный Францией некий гоголь-моголь из разных и враждебных друг другу общин. И они надеялись, поддержав *свою*, союзную общину, достичь цели, которая ведь не задевала практически никого из местных лидеров и, наоборот, была выгодна всем, как им казалось, то есть убрать от северных границ общего для соседей противника, ООП, и заключить мирный договор друг с другом — а дальше живите себе, господа ливанцы, как хотите.

Оказалось, однако, что при всех их внутренних противоречиях, охваченные гражданской войной ливанцы успели осознать себя нацией. И нация эта не желала сепаратного договора с Израилем — не потому, что жаждала войны, но потому, что такой вот отдельный договор противоречил религиозному умонастроению тогдашнего мусульманского мира. Честно говоря, в моих глазах "народная воля" ливанцев выглядела дурной и злой, как народная воля в России периода гражданской войны, как народная воля иранцев периода восстания против шаха, как народная воля аргентинцев, желавших захвата Фолклендских островов. Но ведь не со мной же планировал Израиль заключать мир, а с Ливаном... И просчет, нежелание понять особенности *национальной* психологии (особенно поразительный именно потому, что тогда во гла-

ве Израиля стояло правительство националистов) привели к фактическому проигрышу войны.

Он оказался роковым: энергичное, уверенное в своей правоте правительство, вдруг убедившись, что сила, решительность, действие сами по себе победы не приносят, впало в некий ступор. Начался "период застоя", как называют такие вещи в СССР. Здесь нет места описывать, как он протекал в подробностях, как были отменены интересные инициативы энергичного Шарона, как на вызов новой экономической ситуации, создавшейся в районе Персидского залива, не ответили ничем, как на нарастание потенциала сопротивления отвечали одной и той же, памятной гражданам СССР типичной реакцией периода застоя — силой: арестами, запрещениями, закрытиями, высылками, не понимая, что даже в той великой державе этот путь привел в никуда. Новую ситуацию пытались решать по старым, изношенным рецептам, успокаивая себя, что сила всегда сила и все равно возьмет верх. Противника, в сущности, дразнили, и последней искрой, брошенной в порох, стала, по моему убеждению, дурная и пошлая израильская болтливость, когда не изолированный в обществе рав Кахане, а политики основного потока, Ганди и Декель, заговорили о возможном "трансфере". Энергичный Шарон взял да и поселился в арабском квартале Иерусалима, как бы просигналив арабам, что операция "трансфер" уже началась. На Хануку он справил новоселье — на Хануку и началась у нас "интифада". Кого Бог хочет покарать, того он лишает разума!

С большим опозданием, с огромной неповоротливостью, с непониманием совершавшихся на их глазах процессов реагировали на восстание руководители Израиля, что политические, что военные. Противник вел стремительное, удачное наступление, захватывал одну политическую позицию за другой, а наши лидеры кормили народ обещаниями, что "наступление будет отбито, как все остальные". Мне так все это напоминало памятное со времен 1941 года выражение: "Враг трусливо наступает"...

Скажу одно: по моему ощущению, какой бы план действенный тогда ни приняло правительство Израиля — лондонский ли документ Маараха (переговоры Переса с королем Хусейном), нынешний ли план Ликуда (идеи Моше Аренса), — но если бы *хоть какой-то* план политической борьбы осуществлялся, "интифады" у нас просто не было бы. Дай Бог, чтобы сейчас, когда правительство, кажется, стало понимать, что чисто силовые способы борьбы, с помощью которых арабский мир в нашем регионе так долго шел от поражения к поражению, способны и нас привести туда же, куда арабов, когда оно начало, наконец, выходить из состояния летаргии — дай Бог, чтоб новые ходы принесли ему удачу.

Но как же эта картина, спросите вы, сочетается с той идиллией, которую автор набросал в главке "Палестинский вопрос"?

Мне-то самому ответ ясен, но попробую спрятаться пока что за великих шахматных теоретиков — за Ласкера и Стейница.

До Стейница существовала в шахматном мире вера в необходимость атаки во что бы то ни стало, в гениальную комбинацию, которая принесет победу изумительной красоты там, где никто ее не ждет и где якобы существовало равенство сил или даже перевес на стороне проигравшего (пример из нашей жизни — Шестидневная война). Стейниц же объявил, что подобные победы возникают при одном условии: при неумении противника играть правильно. В противном случае право на атаку надо заработать, провозгласил гений, ибо оно есть результат величин строго объективных и получается в результате накопления маленьких преимуществ в общем положении (по-шахматному — в результате накопления позиционного перевеса). Израиль десятилетиями накапливал малые, невидимые постороннему глазу преимущества над превосходством арабского количества, которые и дали ему перевес на поле боя! Но — и это было центральное положение системы Стейница! — коль скоро преимущества уже накоплены, ты не только можешь, ты *должен, обязан* атаковать.

вать — иначе теряешь накопленное и сам попадаешь под атаку, ведущую к разгрому. Это положение Стейница Ласкер — не только шахматист, но и философ по специальности — считал лучшей "максимой" в теории борьбы, не только в шахматах, но в самой жизни.

У нас была блестящая позиция, в которой реализовались достижения, накопленные на протяжении десятилетий, — и то, что я написал в "Палестинском вопросе", было на тот период верным. Стоило нам, однако, хоть на небольшой срок впасть в "застой", и мы подверглись сокрушительной атаке противника. Но игра пока что продолжается, жизнь идет, все ее участники учатся по ходу игры новым инициативам, новым способам атаки и защиты — и мы с вами наблюдаем ее и как зрители и в какой-то мере как ее участники, не только с ощущением страха, напряжения, но и "блаженства", которое русский поэт описал при наступлении "роковых минут" сего мира, ибо сегодня именно нас "призвали всеблагие как собеседника на пир"!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Израиль — неисчерпаемая тема. Мы живем, и все темы продолжают — вместе с жизнью. Вот Юлия Винер стала известна не только как хороший прозаик, но и превосходный поэт; Давид Таксер успел выпустить первый роман; а Борис Поляков умер: оказывается, болел ужасной болезнью, у него постепенно атрофировались мышцы (даже дышала за него специальная машина). Та повесть, о которой я писал выше, оказалась частью большого романа, который он не писал, а нашептывал (говорить уже не мог) преданной жене. Успел нашептать, выпустить его в свет — и умер, словно выполнив задачу жизни: да будет его память благословенна! А Саша Окунь сумел получить особый израильский приз —

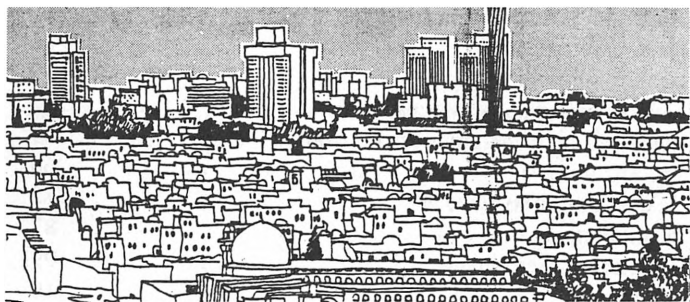
полугодовую поездку в Париж "для практики" и привез оттуда новые полотна — такого "израильского Энгра". Тем временем приехал к нам из СССР его друг, знаменитый в российском зарубежье поэт-сатирик Игорь Гарик (Губерман) и сразу начал предупреждать:

Беспечны, покуда безоблачен день,
Мы дорого платим чуть позже за это,
А тьма, наползая сначала, как тень,
Способна сгущаться со скоростью света.

Но то ли от оптимизма молодости, то ли от веры в себя мы все еще убеждены: справимся. В общем — живем и боимся, как то подобает любому живому народу, и если в этом смысле, то сионизм одержал полную победу.

Мы в Израиле находимся в уникальной жизненной ситуации. Будучи в основном по своей ментальности людьми восточноевропейского мира, столкнулись с жизнью мира западного. Уклониться от возникающего конфликта нельзя — он в самой сердцевине нашего народа. Это чувство сопричастности "россиян" со всем, что происходит в Израиле, и есть, наверное, та главная жизненная ценность, которая окрашивает здесь нашу судьбу. Плохое или хорошее — оно тут наше. Мы ворчим, склочничаем, ругаемся, строим, меняем, учим, рассуждаем, жалуемся — всегда и всюду *на свое*. Именно это я хотел рассказать вам своей книгой.

1984 — 1989 гг.
Ришон-ле-Цион — Иерусалим



Если я забуду тебя, Иерусалим...

СОДЕРЖАНИЕ

Город, где я жил	3
О благодетелях и благодетельствуемых.	9
Язык, на котором мы говорим.	15
Не верьте газетам!	26
Палестинский вопрос.	35
Культурная жизнь эмиграции	47
Еврейская справедливость и правосудие	61
Что мы пишем.	68
Немного о коммунизме	75
Русская пресса	87
Что такое "ментальность"?	99
Подводя итоги	110
Заключение.	123



Михаил Хейфец с дочерью Ольгой.

